

Глава 1. Региональная повестка диверсификации экономики в странах Центральной Азии

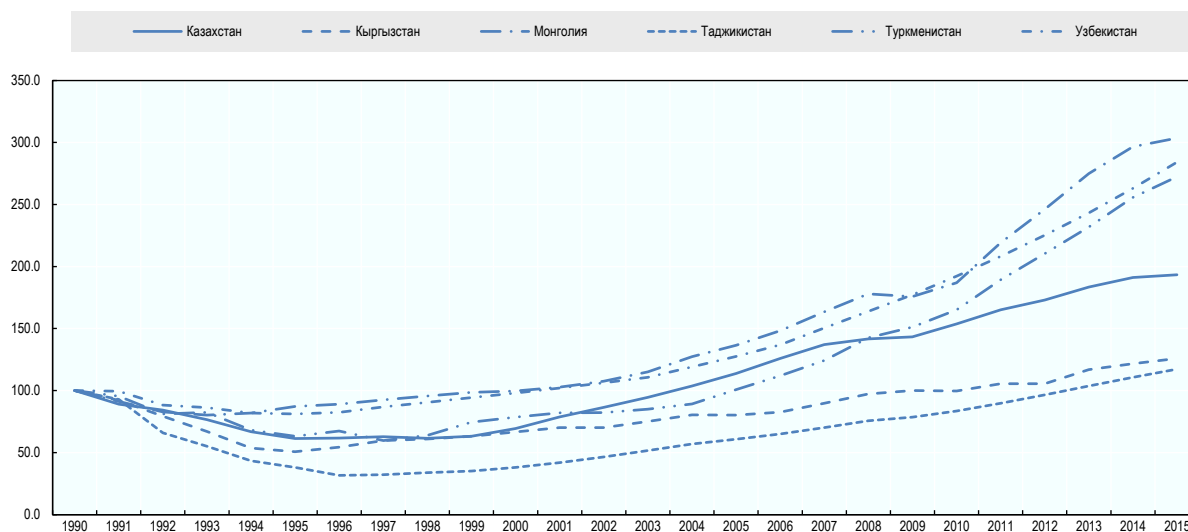
В настоящей главе анализируются основные факторы экономического роста в Центральной Азии начиная с 2000 года, в частности экспорт сырьевых товаров и денежные переводы мигрантов, а также воздействие этих факторов, в том числе зависимость от небольшого числа сырьевых товаров и от трудовой миграции. Также в главе содержится обзор трудностей, которые предстоит преодолеть на пути к дальнейшей диверсификации экономики стран Центральной Азии, в том числе обусловленных особенностями государственного управления, торгово-транспортной связности и делового климата. Затем выделяются основные проблемы делового климата, которые рассматриваются подробно в последующих главах.

Потребность в диверсификации

Под странами Центральной Азии (ЦА) здесь понимаются пять бывших советских республик Средней Азии (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан), а также Монголия, в которых в период с 2000 по 2016 год наблюдался беспрецедентный экономический рост: к этому времени они оправились после рецессии переходного периода 1990-х годов и стали пожинать плоды рыночных реформ. Реальный валовой внутренний продукт (ВВП) рос у них в среднем на 7% в год, несмотря на резкое замедление темпов роста после падения мировых цен на сырьевые товары в 2014–2015 годах, а ВВП на душу населения по паритету покупательной способности (ППС) в долларах США рос неравномерно, на 14% в год. Рост производительности труда в среднем составлял почти 5%, а уровень бедности снизился почти вдвое (Рисунок 1.1) (World Bank, 2017^[1]; IMF, 2017^[2]). Страны ЦА также успешно привлекали иностранных инвесторов: в период с 1997 по 2015 год чистый приток прямых иностранных инвестиций увеличился более чем в шесть раз (World Bank, 2017^[1]).

Рисунок 1.1. Показатели роста реального ВВП в странах Центральной Азии

1989 = 100

Источник: (World Bank, 2017^[1])

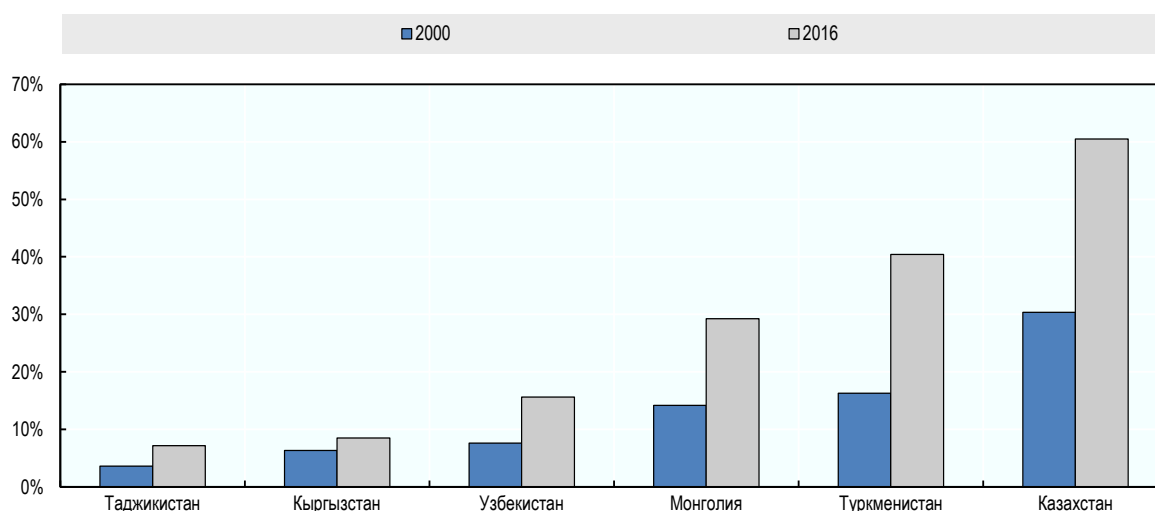
Такие показатели роста отчасти можно объяснить действием «эффекта нагнывания». Теория конвергенции предполагает, что ВВП на душу населения в развивающихся странах растет быстрее, чем в развитых, поскольку сокращение прибыли, особенно от капитала, играет менее важную роль, чем в странах, богатых капиталом. Кроме того, развивающиеся страны могут использовать ноу-хау в области производственных процессов, технологий и институтов, доступные развитым странам (Sachs, 1995^[3]; Abramovitz, 1986^[4]).

С начала века большинство стран Центральной Азии продемонстрировали достаточно мощную динамику конвергенции, причем экспортеры углеводородов и

металлов лидируют на пути к устранению разницы по уровню доходов по сравнению со странами ОЭСР (Рисунок 1.2). Однако все они, за исключением Казахстана (где ВВП на душу населения близок к уровню Чили), не достигают отметки в 50% по ППС¹, и отставание от среднего показателя по ОЭСР оказывается еще больше, чем согласно результатам измерения с использованием фактических обменных курсов. Кроме того, начиная с 2013 года процесс конвергенции практически остановился. Возвращение стран Центральной Азии на траекторию конвергенции – и в отношении уровня жизни, и в отношении производительности – является принципиально важной задачей.

Рисунок 1.2. Процесс конвергенции (2000–2016 годы)

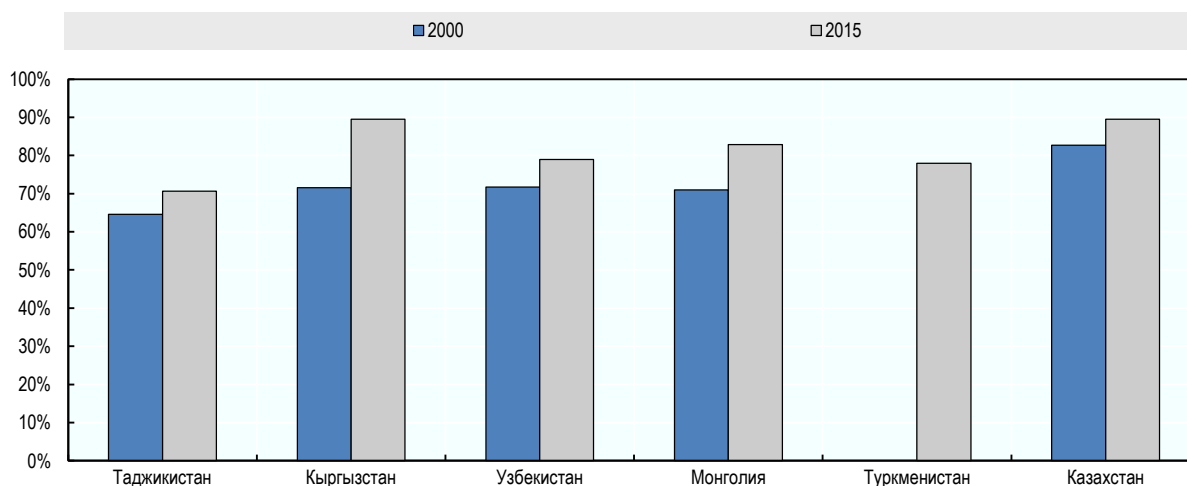
ВВП на душу населения в % от среднего показателя по ОЭСР (ППС, в постоянных ценах 2011 года в долларах США)

Источник: (World Bank, 2017_[11])

Помимо эффекта намерстывания, есть и другие динамические процессы, обусловившие тот значительный рост, который наблюдался в странах Центральной Азии в последнее десятилетие: это экспорт сырья в период исключительно высоких цен на сырьевые товары и значительный поток денежных переводов от трудовых мигрантов. Важнейшим фактором данной динамики стал мощный рост спроса со стороны Китая. Потребность Китая в сырьевых товарах (таких как уголь, медь и нефть) способствовала активному росту экспорта из стран Центральной Азии, а также из Российской Федерации, которая, в свою очередь, привлекала все большее количество рабочих из Центральной Азии, и те направляли в свои страны денежные переводы. Кроме того, восстановление после тяжелой рецессии начала 1990-х годов, последовавшей за крахом коммунизма и началом перехода к рыночной экономике, во многом было связано с политическими реформами, которые способствовали углублению международной интеграции, развитию деятельности частного сектора и росту эффективности в распределении ресурсов (IMF, 2014_[5]).

Рисунок 1.3. Индекс человеческого развития в процентах от среднего показателя по ОЭСР

Примечание: Статистические данные по Туркменистану доступны только начиная с 2010 года.

Источник: (UN, 2017_[6])

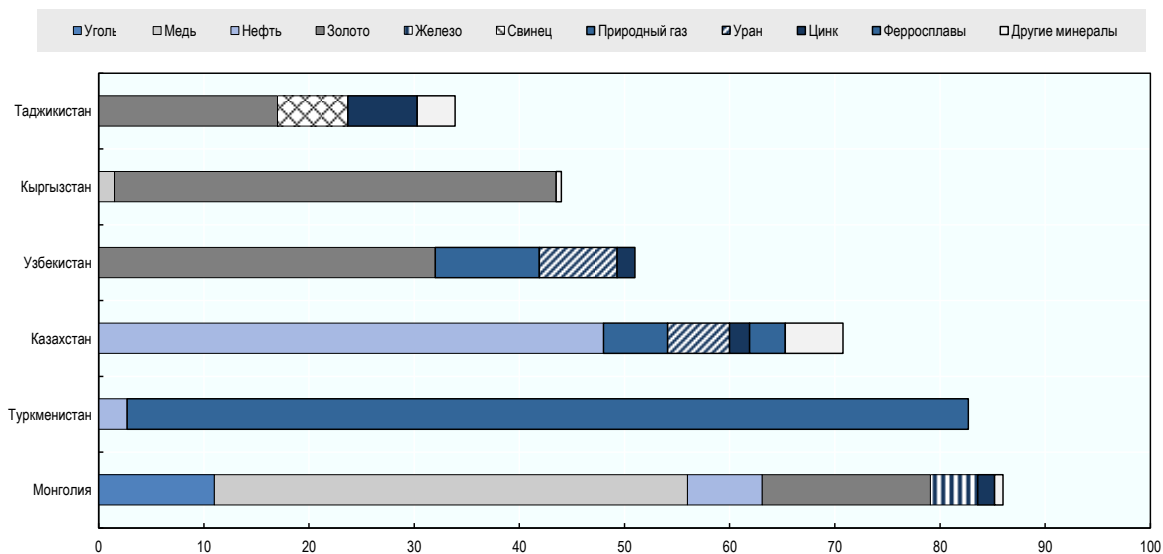
Главными движущими силами экономического роста стали экспорт углеводородов и минерального сырья, а также денежные переводы мигрантов

В структуре экспорта из стран Центральной Азии преобладают углеводороды и твердые полезные ископаемые (Рисунок 1.4). Особенно велико значение этих сырьевых товаров для Казахстана, Монголии и Туркменистана. Казахстан является одним из ведущих в мире производителей нефти и минеральных ресурсов, ему принадлежат залежи самых разных металлов (черных, цветных), драгоценных минералов и углеводородов, имеющие мировое значение. В Монголии находится одно из важнейших в мире месторождений меди; богата она и другими твердыми полезными ископаемыми, включая золото. В Узбекистане и Туркменистане имеются большие залежи газа, которые эксплуатируются лишь отчасти. В Кыргызстане и Таджикистане находятся значительные залежи золота, Таджикистан экспортирует также и алюминий.²

В первом десятилетии нового века цены на сырьевые товары последовательно росли в условиях, которые большинство аналитиков называют «суперциклом», главным фактором чего явился стремительный экономический рост Китая. Даже мировой экономический кризис 2009 года не стал значительным препятствием для дальнейшего развития этой тенденции. В период с 2000 по 2011 год цены на золото (+463%), уголь (+396%), медь (+386%), нефть (+268%) и природный газ (+207%) (IMF, 2017_[2]) стремительно росли. Страны Центральной Азии очень быстро наращивали объем экспорта этих товаров (Рисунок 1.5).

Рисунок 1.4. Экспорт минерального сырья из стран Центральной Азии

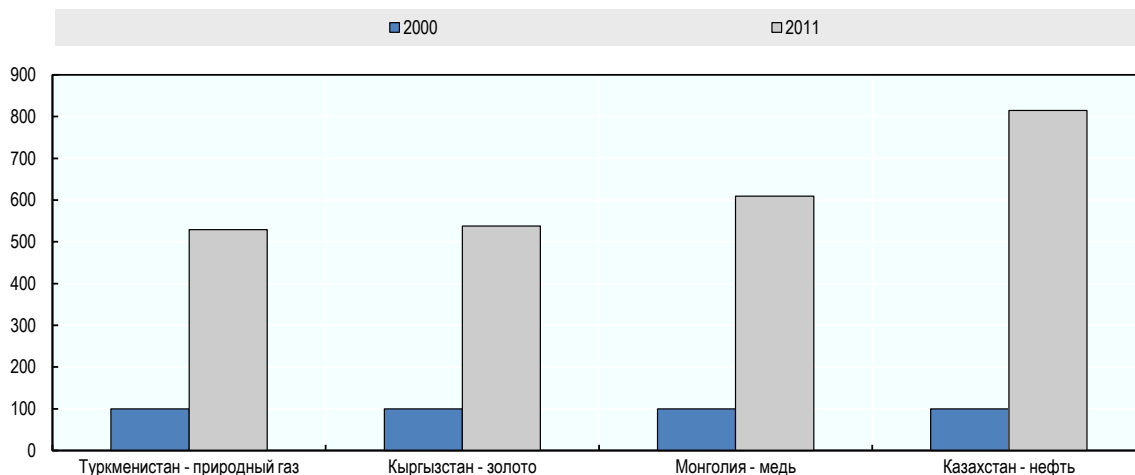
% от общего объема экспорта в 2015 году

Источник: (Observatory for Economic Complexity, 2017^[7])

Рисунок 1.5. Рост экспорта сырьевых товаров из стран Центральной Азии, 2000–2011 годы

Увеличение стоимости экспорта в долл. США в период с 2000 по 2011 годы³ (2000 = 100)

Источник: (Observatory for Economic Complexity, 2017^[7])

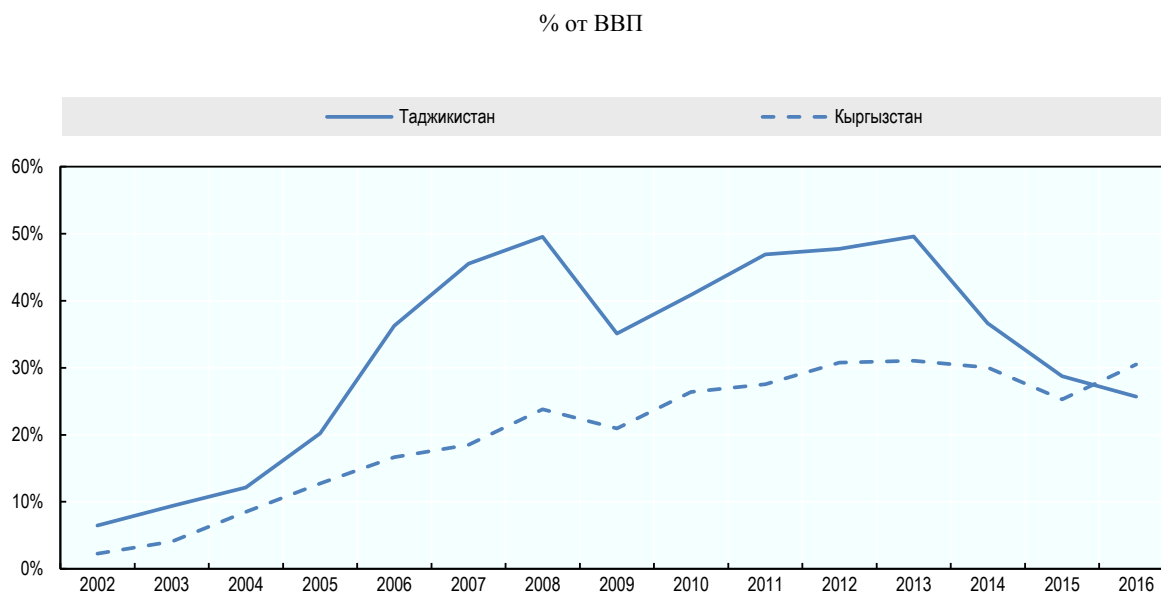
Начиная с 2012–2013 годов цены начали падать, поскольку рост экономики Китая замедлился; стала уменьшаться и стоимость экспорта из стран Центральной Азии, замедлился рост реального ВВП (Рисунок 1.7).

Еще одним фактором замедления экономического роста стало сокращение потока денежных переводов. Денежные переводы от рабочих-мигрантов их семьям составляют еще один значительный источник экономического роста в период высоких цен на сырьевые товары. Низкая заработная плата и высокий уровень безработицы побудили миллионы рабочих переехать, в том числе в Российскую Федерацию и Казахстан: в 2015 году размер среднемесячной заработной платы в России примерно в 4,5 раза превышал средний показатель по Кыргызстану и в 8,5 раза – по Таджикистану; соответствующие показатели по отношению к Казахстану составили 3,4 и 6,5 раза, соответственно (Ryazantsev, 2016^[8]).

В самом деле, объем денежных переводов столь велик, что для некоторых стран Центральной Азии основным экспортным товаром является именно рабочая сила. Численность трудовых мигрантов из стран Центральной Азии оценивается в 2,7–4,2 млн человек, в 2010 году это количество составляло 10–16% всего экономически активного населения региона (Ryazantsev, 2016^[8]). Потоки денежных переводов особенно важны для тех стран региона, которые менее богаты природными ресурсами: для Узбекистана (2,3 млрд долл. США в 2015 году), Кыргызстана (2,0 млрд долл. США) и Таджикистана (1,8 млрд долл. США). В относительном выражении денежные переводы имели гораздо меньшее значение для Узбекистана (4,6% ВВП), чем для Кыргызстана (25,7%) и Таджикистана⁴ (28,8%) (World Bank, 2017^[11])⁵.

В период с начала 2000-х годов до 2013 года величина денежных переводов в долл. США возрастала, а затем резко упала в результате пятидесятипроцентной девальвации российского рубля по отношению к доллару США и ужесточения правил для мигрантов в Российской Федерации – особенно для мигрантов из стран, не входящих в Евразийский экономический союз (Рисунок 1.6).

Рисунок 1.6. Приток денежных переводов в отдельные страны Центральной Азии

Источник: (World Bank, 2017^[11]; IMF, 2017^[21])

Потоки денежных переводов были экономически выгодны, но влекли за собой и расходы

За счет трудовой миграции страны со слабым экспортным потенциалом в области товаров и услуг могли поддерживать внутреннее потребление и компенсировать дефицит платежного баланса в других областях. Это соответствует модели международной торговли по Хекшеру – Охлину, согласно которой страна экспортирует товары, для производства которых интенсивно используются ее относительно избыточные факторы, и импортирует товары, для производства которых интенсивно используются ее дефицитные факторы (Ohlin, 1933^[9]). Однако в Центральной Азии страны с переходной экономикой имеют одну важную особенность. Внутренние условия, инфраструктура и институты в них таковы, что даже страны с обилием относительно дешевой рабочей силы не могли действовать достаточно быстро, чтобы занять ниши, связанные с экспортом трудоемких товаров. В результате трудовые ресурсы стали перемещаться за границу – туда, где условия производства оказались более благоприятны как в торговых, так и в неторговых отраслях.

Благодаря трудовой миграции доходы домохозяйств повысились, а уровень безработицы в странах, откуда выезжали мигранты, снизился. Получив за границей новые профессиональные навыки и вернувшись домой, мигранты могут принести своей стране значительную пользу. Впрочем, это зависит от формы миграции: например сезонные сельскохозяйственные рабочие реже возвращаются с новыми навыками, чем те, кто эмигрирует на более длительный период времени и работает в отраслях, требующих более высокой квалификации. Кроме того, по возвращении мигранты имеют возможность инициировать новые виды деятельности: в своих странах они часто относятся к числу граждан, наиболее склонных к предпринимательству. К сожалению, во многих странах базовые условия для предпринимательства таковы, что у вернувшихся мигрантов не возникает желания инвестировать переведенные из-за границы средства в создание бизнеса: в самом деле, неблагоприятные базовые условия в стране являются одной из главных причин миграции (Marat, 2009^[10]; Malyuchenko, 2015^[11])⁶. Ситуационное исследование по Таджикистану, приведенное ниже (Глава 2), касается изменений в политике и институциональных реформ, которые могут способствовать улучшению этих условий и максимизировать потенциальный вклад вернувшихся мигрантов в национальную экономику⁷.

Однако с таким оттоком людей трудоспособного возраста связаны значительные экономические и социальные последствия. В экономике стран, из которых выезжают трудовые мигранты, наблюдается так называемый феномен «пропавших мужчин»: под этим подразумевается нехватка мужской рабочей силы в сельских районах, особенно в периоды интенсивных сельскохозяйственных работ. Кроме того, уезжают прежде всего работники с высокой квалификацией. Например, с 1991 по 2005 год число учителей с высшим образованием в Таджикистане сократилось с 72 789 до 61 319, и доля учителей с высшим образованием тем самым снизилась с 77% до 62% (ИОМ, 2006^[12]).

Социальные последствия также бывают очень значительными – как для самих мигрантов, так и для сообществ, из которых они уезжают. Во-первых, в принимающих странах мигранты часто оказываются в теневом секторе экономики, а потому живут и работают в очень плохих условиях, не имея или практически не имея доступа к медицинскому обслуживанию, как и к другим видам

государственных услуг. Во-вторых, важны и последствия разделения семей, которые порой оказываются очень значительными (Malyuchenko, 2015^[11]). Так, исследования ИОМ показывают, что около трети жен мигрантов были брошены мужьями, так как последние поселились в принимающей стране на постоянное жительство (ИОМ, 2010^[13]; ИОМ, 2009^[14]).

Для детей последствия миграции неоднозначны: за счет денежных переводов доходы домохозяйств растут, что способствует улучшению доступа к медицинским услугам, к образованию и питанию, однако отсутствие отца также возлагает на детей эмоциональное и физическое бремя, поскольку им часто приходится выполнять больший объем более тяжелой работы. ЮНИСЕФ (UNICEF, 2012) отмечает, что уменьшение количества внимания и заботы со стороны родителей, неизбежное при разделении семьи, отрицательно сказывается на успехах школьников в учебе. Странам, из которых выезжают трудовые мигранты, очень трудно решить все эти проблемы, поскольку причины миграции связаны именно с низким уровнем доходов и институционального развития.

На макроуровне зависимость от денежных переводов подразумевает высокую степень чувствительности к экономическим показателям принимающих стран, и в случае стран Центральной Азии – в первую очередь к показателям Российской Федерации и Казахстана. Именно поэтому даже бедные ресурсами страны этого региона пострадали от резкого падения цен на сырьевые товары, произошедшего в 2014–2015 годах, и от изменения условий торговли, которые в противном случае могли бы им благоприятствовать как импортерам сырьевых товаров. Например, в Таджикистане в 2013 году 89% денежных переводов осуществлялись в рублях, и их объем составил 43% от ВВП; снижение в России спроса на таджикскую рабочую силу и резкое снижение курса рубля по отношению к доллару привели к резкому падению покупательной способности многих предприятий и граждан. Кроме того, многие граждане и предприятия оказались не в состоянии отвечать по своим долговым обязательствам, поскольку экономика Таджикистана была сильно долларизирована: в 2014 году более 80% банковских кредитов и депозитов были долларовыми. Банковский и финансовый кризис, последовавший в 2015 году, в значительной мере явился результатом этого потрясения, и в настоящее время он все еще продолжает препятствовать экономическому росту в этой стране (IMF, 2016^[15]).

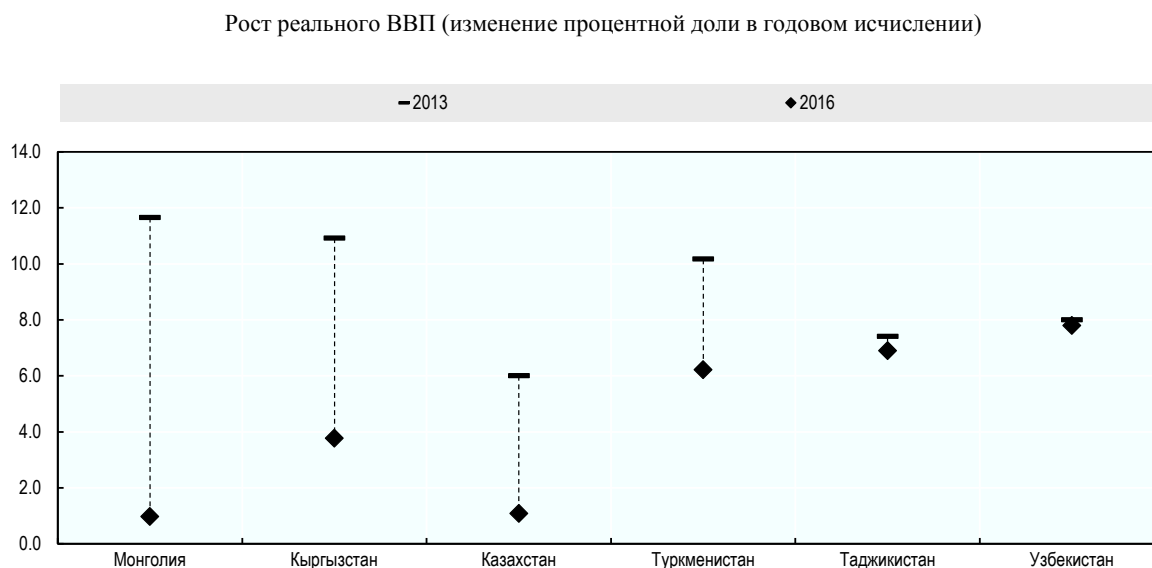
Экспорт все более концентрируется – и в отношении сырьевых товаров, и в отношении рынков

Во всех странах региона, за исключением Узбекистана, наблюдается увеличение концентрации экспортной корзины, и эту ситуацию отражает индекс Херфиндаля – Хиршмана⁸ за последние 20 лет, в течение которых все меньшее количество продуктов составляло все большую долю экспорта (UNCTAD, 2017^[16]).⁹ Увеличение концентрации на ограниченном ассортименте сырьевых товаров, которые часто оказываются подвержены значительным краткосрочным колебаниям цен (в основном это углеводороды и минералы), влечет за собой значительные риски. Например, в Монголии в 2010–2014 годах рост реального ВВП составлял в среднем 11% в год, однако после падения цен на сырьевые товары (особенно на медь) рост замедлился до 2,4% в 2015 году и, согласно оценкам, до 1,6% в 2016 году, в результате чего государство оказалось в трудном финансовом положении. Из-за падения цен на сырьевые товары в 2014 году экономический рост замедлился во всем регионе, хотя официальные данные по Таджикистану и Узбекистану не отражают значительных признаков спада (Рисунок 1.7). В других странах –

крупных мировых экспортерах сырьевых товаров также произошел спад в развитии экономики; так, Чили и Южно-Африканская Республика в период с 2013 по 2016 год потеряли более двух процентных пунктов от роста ВВП (World Bank, 2017^[1]).

Рисунок 1.7. Снижение темпов экономического роста в странах Центральной Азии после падения цен на сырьевые товары, 2013–2016 годы

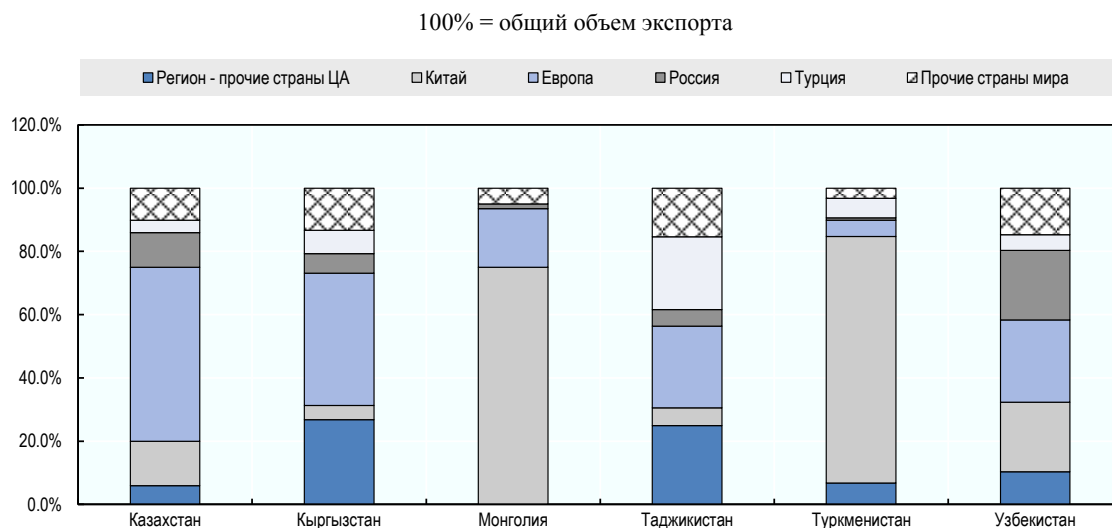
Источник: (IMF, 2017^[2])

Кроме того, страны Центральной Азии уязвимы и перед лицом тех потрясений, которые обрушиваются на их торговых партнеров, поскольку их экспорт сконцентрирован на ограниченном количестве экспортных рынков. Географическое положение без выхода к морю и различные связанные с этим трудности обусловили тот факт, что экспортные рынки стран Центральной Азии находятся почти исключительно в нескольких соседних странах (Рисунок 1.8).

Успешная диверсификация должна повлечь за собой повышение доходов и устойчивости экономических показателей

Наличие природных богатств дает странам Центральной Азии важные преимущества. Стремительный рост в добывающих отраслях привел к увеличению доходов и на протяжении большей части последних двух десятилетий способствовал повышению показателей экономического роста в странах Центральной Азии, обладающих богатыми запасами углеводородов и твердых полезных ископаемых (World Bank, 2017^[1]). Решающее значение здесь имеет надлежащее управление потоком ресурсов. Положительным примером является Национальный фонд Республики Казахстан, общий объем активов которого составляет 67 млрд долл. США по состоянию на 2016 год (Reuters, 2017^[17]). Этот фонд, созданный в 2000 году как стабилизационный, на случай колебания цен на сырьевые товары, управляет финансовыми активами, получаемыми от налогов с нефтегазовых компаний, а также в результате собственных инвестиций.

Рисунок 1.8. Экспортные рынки стран Центральной Азии

Источник: (Observatory for Economic Complexity, 2017_[7])

Затем эти активы накапливаются на счете правительства в Национальном банке Казахстана, с гарантированным перечислением в национальный бюджет, которое регламентируется налоговым правилом (OECD, 2016_[18]).¹⁰ В числе стран ОЭСР есть такие, которые успешно создали подобные фонды для управления природными ресурсами: это Чили (Фонд социальной и экономической стабилизации) и Норвегия (Государственный пенсионный фонд Global) (OECD, 2008_[19]).

Тем не менее, столь большая зависимость от экспорта углеводородов и твердых полезных ископаемых влечет за собой значительные издержки и риски. Большой объем эмпирических исследований показывает, что страны, обладающие большими природными богатствами, склонны к отставанию от других сопоставимых стран в отношении роста реального ВВП в долгосрочной перспективе. В результате возникла дискуссия о так называемом «ресурсном проклятии» или «парадоксе изобилия».¹¹ На макроуровне зависимость от ресурсов влечет за собой большую подверженность внешним потрясениям, особенно если доходы государства в значительной мере зависят от экспортных поступлений. Страны с более диверсифицированной экономикой обычно более устойчивы к потрясениям. Объем их производства менее подвержен колебаниям, а устойчивость объема производства обычно связывается с более высокими темпами экономического роста в долгосрочной перспективе (Ramey, 1995_[20]). В случае Казахстана ОЭСР рекомендовала правительству продолжить диверсификацию экономики, с тем чтобы повысить ее устойчивость к внешним потрясениям (OECD, 2012_[21]; OECD, 2016_[22]; OECD, 2017_[23]). С подобными трудностями сталкиваются и другие страны Центральной Азии, богатые природными ресурсами.

Кроме того, при наличии природных богатств несырьевые товары оказываются под сильным давлением, особенно в тех случаях, когда высокий спрос на ресурсы приводит к росту обменного курса (явление, известное как «голландская болезнь»), и в результате развитие высокоэффективной торговой деятельности за пределами сырьевого сектора может быть затруднено.¹² Это крайне важно, поскольку значительная доля занятости в странах Центральной Азии сосредоточена в отраслях с

низким уровнем производительности, в то время как добыча твердых полезных ископаемых и углеводородов является капиталоемкой и требует привлечения относительно небольшого количества работников. Один только добывающий сектор никогда не сможет обеспечить высокопроизводительную занятость в достаточно больших масштабах и тем самым гарантировать широкое процветание – даже при самых смелых предположениях относительно будущих цен на сырьевые товары и относительно возможностей для увеличения объемов добычи ископаемых. Таким образом, наличие динамично развивающегося несырьевого сектора составляет, по всей видимости, фундаментальное условие для достижения всеобъемлющего экономического роста: странам Центральной Азии необходимо развернуть высокопроизводительную деятельность за пределами сырьевого сектора.

Диверсификация имеет большое значение и для сравнительно «бедных ресурсами» стран региона, поскольку, как было отмечено выше, зависимость от денежных переводов мигрантов в долгосрочной перспективе представляет собой плохую стратегию. У таких стран существует единственный способ избавиться от зависимости по отношению к внешним рынкам труда: нужно создать условия для появления новых торговых отраслей и видов деятельности, а также для активизации роста уже существующих.

Взгляд на данные о личных доходах также подтверждает важность диверсификации. Результаты исследований, проведенных с использованием больших массивов данных по 99 странам (МОД, ЮНИДО и ОЭСР), показывают, что отраслевая концентрация развивается по П-образной схеме. Имея в начале очень концентрированную экономику, страны, как правило, осуществляют диверсификацию, чтобы достичь более высокого уровня доходов на душу населения, но затем, на более поздней стадии развития, вновь концентрируются на отраслях с более значительным конкурентным преимуществом (Imbs, 2003^[24]). Несколько позже, на материале данных по 178 странам за период с 1962 по 2010 год, Папагеоргиу и соавторы (Papageorgiou et al, 2014) выяснили, что диверсификация экспорта связана с более высоким показателем дохода на душу населения, с большей устойчивостью объемов производства и более высокой экономической стабильностью (IMF, 2014^[25]). Таким образом, необходимо подчеркнуть важность дальнейшей диверсификации структуры экспорта для стран Центральной Азии.

Для диверсификации потребуется оптимизация структуры государственного управления, торгово-транспортной связности и базовых условий делового климата

Качественное управление с точки зрения макроэкономики, в том числе рациональное управление доходами от продажи природных ресурсов, будет иметь решающее значение для стран Центральной Азии в их стремлении диверсифицировать экономику и источники роста. Тем не менее, одной лишь макроэкономической дисциплины будет недостаточно; для решения проблем координации между участниками рынка, из-за которых возникает нехватка инвестиций в инфраструктуру, современные технологии и трудовые ресурсы, может потребоваться принятие политических мер (Rodrik, 1996^[26]; Rodriguez-Clare, 2005^[27]).¹³ Необходимо будет провести реформы по крайней мере еще в трех других областях:

- **Повышение качества государственного управления** является одним из приоритетов. Развитие за счет природных ресурсов выдвигает крайне строгие требования к национальным институтам, поскольку существует необходимость управления волатильными доходами, связанными со справедливой и продуктивной эксплуатацией природных ресурсов (IBRD; World Bank, 2014_[28]). Как правило, недостатки институциональных условий, такие как коррупция, неразвитость прав собственности или произвольное налогообложение и регулирование, оказывают непропорциональное воздействие на молодые компании и отрасли, а также на малые предприятия. У компаний, уже закрепившихся на рынке, обычно имеются политические и финансовые ресурсы, позволяющие справиться с подобными трудностями – или даже, в некоторых случаях, получить от них прибыль; однако те, кто занимается новым видом деятельности, как правило, не имеют таких ресурсов и, в любом случае, сталкиваются с более сильными рисками и с большей неопределенностью, чем опытные игроки. Наличие высококачественных институтов, в сочетании с надлежащим планированием, может привести к тому, что «ресурсное проклятие» обернется новыми благоприятными возможностями (OECD, 2011_[29]).
- **Активное развитие торгово-транспортной связности** – важный фактор диверсификации торговли и экспорта. Высокая стоимость доступа на крупные зарубежные рынки является значительным препятствием для появления новых видов деятельности в значительной части Центральной Азии. Это отражает не только инфраструктурные проблемы, но часто также и высокую стоимость трансграничных деловых операций, обусловленную тарифами, пограничными процедурами и нетарифными барьерами. Недостаточная развитость торговли и сообщения в регионе ведет к фрагментации рынков, которая мешает производителям сырьевых товаров достичь критической массы и добиться экономии за счет увеличения масштаба, в то время как отсутствие хорошей связи с остальной частью мира препятствует доступу к крупнейшим рынкам и интеграции в глобальные производственно-сбытовые цепочки.
- **Совершенствование делового климата** – это эффективный способ поддержать диверсификацию экономической деятельности (Lederman, 2012_[30]). В частности, развитие малых и средних предприятий (МСП) в таких отраслях, как обрабатывающая промышленность, торговля и услуги, может также помочь странам диверсифицировать свою деятельность за пределами сырьевых отраслей, в которых действует слишком много крупных компаний (OECD, 2016_[31]). В устойчивой и предсказуемой среде предприятия могут работать, ориентируясь на более отдаленные временные горизонты и подвергаясь меньшему риску при попытках инновационной деятельности. В отсутствие таких условий разумные хозяйствующие субъекты ориентируются на краткосрочную выгоду, поэтому следует ожидать недостатка инвестиций в любую деятельность, которая не приносит очень быстрой прибыли (OECD, 2006_[32]).

Повышение качества государственного управления

Эффективность государственного управления во всех странах Центральной Азии относительно невелика

Значительный объем исследований свидетельствует о том, что зависимость от ресурсов может иметь серьезные последствия для государственного управления, что может, в свою очередь, ограничивать возможности диверсификации. Конкуренция за совокупную природную ренту на разных уровнях государственного управления может привести к возникновению нарушений в функционировании всей политической системы, поскольку, как правило, с этим связано снижение степени общественного контроля и политической подотчетности (Gelb, 2010^[33]). Кроме того, в условиях ограниченного институционального контроля борьба между группами элиты за получение максимальной экономической выгоды от продажи ресурсов может привести к активизации перераспределения доходов через систему налогообложения – достаточно значительной, чтобы нейтрализовать любую норму дохода от продажи ресурсов и в конечном счете препятствовать экономическому росту (Tornell, 1999^[34]).

Когда структура производства и экспорта страны характеризуется высокой степенью концентрации, особенности ее ведущей отрасли могут существенно влиять на институты, и особенно это заметно в странах, которые специализируются на добывающих отраслях (Chaudry, 1989^[35]; Shafer, 1994^[36]). В области добычи углеводородов и твердых полезных ископаемых, как правило, доминирует небольшое число участников, барьеры для входа и выхода высоки, а активы очень специфичны. Столкнувшись с необходимостью управления этими отраслями, государство создает особые институты с высокой степенью централизации, а также методы сбора природной ренты и управления ведущей отраслью. Централизованный, отраслевой характер государства в некоторой степени отражает характер экономики. Так, многие нефтедобывающие страны создали специализированные налоговые органы для сбора (и расходования) нефтяной ренты, а также специализированные органы для мониторинга, регулирования и поощрения деятельности крупных нефтяных компаний.¹⁴ В то же время, им часто не удается укрепить институты, необходимые для развития других отраслей, или создать деловую среду, благоприятствующую экспериментам и предпринимательству.

Этот момент чрезвычайно важен для более широких дискуссий о ресурсном проклятии, поскольку результаты некоторых исследований указывают на то, что хронически низкие экономические показатели в странах, экспортирующих ресурсы, обусловлены не столько наличием природных богатств, сколько тем, что они находятся в собственности у государства (Auty, 2004^[37]; Ross, 1999^[38]; Jones Luong, 2004^[39]). Государственная собственность в сырьевых отраслях может стать фактором, позволяющим смягчить бюджетные ограничения и поощрять нарушение бюджетной дисциплины. В любом случае государственные горнодобывающие предприятия, как правило, оказываются менее эффективными, менее прозрачными и чаще подвергаются политическому вмешательству.¹⁵

Кроме того, экспроприруемость природной ренты создает атмосферу неопределенности, которая не благоприятствует иностранным инвестициям. Например, в новом горном кодексе Казахстана присутствует один существенный недостаток. Прежде считалось, что преимущественное право государства на

минеральные ресурсы («стратегические месторождения») вызывает серьезную озабоченность у потенциальных и действующих иностранных инвесторов в Казахстане, особенно в области твердых полезных ископаемых. Перечень соответствующих полезных ископаемых и их количество оказываются практически исчерпывающими с точки зрения ресурсов Казахстана. Даже при наличии нового горного кодекса некоторые наблюдатели опасаются, что любое важное месторождение потенциально может быть включено в число «стратегических».

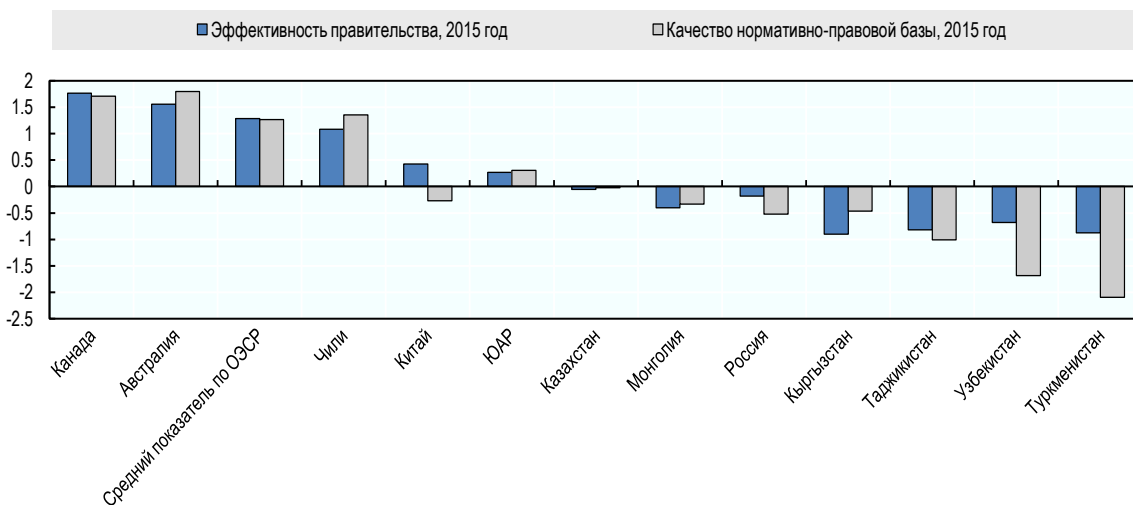
Институциональная структура и управление зависят и от внутренних решений: они определяются не только теми факторами, которые присущи данной отрасли (Jones Luong, 2004^[39]). Тем не менее преобладание во всем мире на протяжении последних 40-50 лет государственной собственности в основных отраслях, связанных с добычей углеводородов и минерального сырья, несмотря на значительные различия в политических условиях между странами-экспортерами, указывает на то, что для принятия политиками решений в связи с внутренними политическими возможностями и ограничениями важное значение имеют особенности самой отрасли. Эти решения, в свою очередь, влияют на перспективы разработки новых моделей управления, менее централизованных и в большей мере учитывающих потребности широкого круга интересов и отраслей. В связи с ситуацией в Центральной Азии важно отметить, что влияние, которое оказывает на институциональную структуру приток денежных переводов, оказывается, по всей видимости, совсем иным, поскольку денежные переводы от трудовых мигрантов, в отличие от нефтяной ренты, как правило, поступают в обход и государственных учреждений, и официальных банковских систем. Денежные переводы могут стать фактором формирования независимого и финансово благополучного частного сектора, однако они же дают государству возможность косвенно изымать переведенные средства путем введения ввозных пошлин и принятия других ограничительных мер. В любом случае существует риск того, что «учреждения, связанные с добычей полезных ископаемых, а также вспомогательные юридические, фискальные и информационные структуры» просто атрофируются (Chaudry, 1989^[35]).

Какое бы значение ни придавалось вопросу о ресурсном проклятии, страны Центральной Азии в целом соответствуют тем общим моделям, которые описаны в литературе о странах, экономически зависимых от продажи природных ресурсов и притока денежных переводов. Предприятия и международные индексы постоянно сообщают о том, что институты в странах Центральной Азии развиты слабо. Так, согласно «Индексу глобальной конкурентоспособности» Всемирного экономического форума, они значительно отстают от среднего уровня стран ОЭСР по показателю качества институциональной базы, – в том числе от стран, богатых ресурсами, таких как Канада, Чили и Норвегия (World Economic Forum, 2017^[40]). Страны Центральной Азии отстают также и по качеству государственного управления: по Показателям государственного управления Всемирного банка (World Bank Governance Indicators) они занимают места в нижних 35% списка. Оценка государственного управления в странах Центральной Азии показывает, что особого внимания заслуживают следующие проблемы:

- низкая эффективность государственного управления, отражающая субъективную оценку качества государственных услуг, государственной службы, выработки и реализации политики;

- низкое качество нормативно-правовой базы, которое отражает степень способности государства вырабатывать и реализовать стратегии развития частного сектора (Рисунок 1.9).

Рисунок 1.9. Всемирные показатели государственного управления для стран Центральной Азии и некоторых других

Примечание: Всемирные показатели государственного управления, ежегодно публикуемые Всемирным банком, представляют оценку качества государственного управления в более чем 200 странах. Качество государственного управления оценивается в шести разных аспектах, и уровень каждой страны оценивается в диапазоне от -2,5 (низкий) до 2,5 (высокий). Получаются шесть итоговых показателей, которые основаны на нескольких сотнях различных переменных, полученных из 31 источника данных.

Источник: (World Bank, 2017_[41])

Такие свидетельства институциональной слабости указывают не только на необходимость реформ, нацеленных на укрепление норм этичного поведения в государственном секторе или на повышение эффективности государственного управления, что само по себе уже представляет значительные трудности, но и на необходимость создания новых мощностей и институтов, более соответствующих потребностям формирующегося несырьевого сектора. Азиатский банк развития (АБР) указывает, что целью диверсификации является создание «современной индустриальной экономики с развитым сектором услуг» (ADB, 2013_[42]). О подобных институтах в таких разных областях, как развитие экспорта и развитие человеческого капитала, речь пойдет в последующих главах.

Страны данного региона в разной степени занимаются укреплением своего институционального потенциала. Правительства стран региона столкнулись с трудностями при реализации утвержденных планов (Блок 1.1). Министерствам часто приходится действовать в условиях относительно ограниченного объема ресурсов и недостаточного институционального потенциала. Часто им не хватает надежных и точных данных на микроуровне, что затрудняет окончательную разработку ключевых показателей эффективности (КПЭ), которые можно было бы внедрить. В результате правительства и другие государственные органы разрабатывают амбициозные стратегические планы, которые обычно не

реализуются. Одной из полезных инициатив в этой области является «Региональный хаб в сфере государственной службы» в Астане – платформа для сотрудничества в целях выработки предложений по партнерству, наращиванию потенциала и обмену опытом и знаниями между правительствами стран региона (RHCS, 2017^[43]). Участие в «Региональном хабе» Узбекистана и Туркменистана, а также более активное участие Кыргызстана, Таджикистана и Монголии, могло бы способствовать решению этой проблемы.

Коррупция – на настоящий момент, вероятно, самая главная из проблем государственного управления

Коррупция в государственном секторе и нарушения деловой этики представляют для стран Центральной Азии большую проблему: недаром в «Индексе восприятия коррупции» *Transparency International* эти страны за исключением Монголии оказались в нижней четверти списка. Хотя степень коррупции в разных странах региона различна, все они получили менее 40 баллов (по шкале 0–100) (Рисунок 1.10). Это значительно ниже среднего показателя по ОЭСР и особенно ниже показателя для ряда стран ОЭСР, которые успешно управляют огромными природными богатствами, в том числе для Австралии, Канады и Чили (*Transparency International*, 2016^[44]).

ОЭСР активно сотрудничает с правительствами стран региона в борьбе с коррупцией. В частности, в 2003 году Сеть ОЭСР по борьбе с коррупцией для Восточной Европы и Центральной Азии приступила к реализации Стамбульского плана действий по борьбе с коррупцией – региональной программы паритетной оценки, ориентированной на Центральную Азию и Восточную Европу. Этот план предусматривает проведение обзоров по разным странам и мониторинг выполнения рекомендаций, связанных с антикоррупционным законодательством. Программа ориентирована на девять стран, в том числе на Казахстан, Кыргызстан, Монголию, Таджикистан и Узбекистан. В 2003–2005 годах все страны Центральной Азии были подвергнуты базовым обзорам на основе антикоррупционных стандартов, установленных Организацией Объединенных Наций, ОЭСР и Советом Европы. После проведения базового обзора страны прошли еще три этапа мониторинга осуществления антикоррупционных реформ и их воздействия на уровень коррупции.

Блок 1.1. Обзор центральной администрации Казахстана ОЭСР

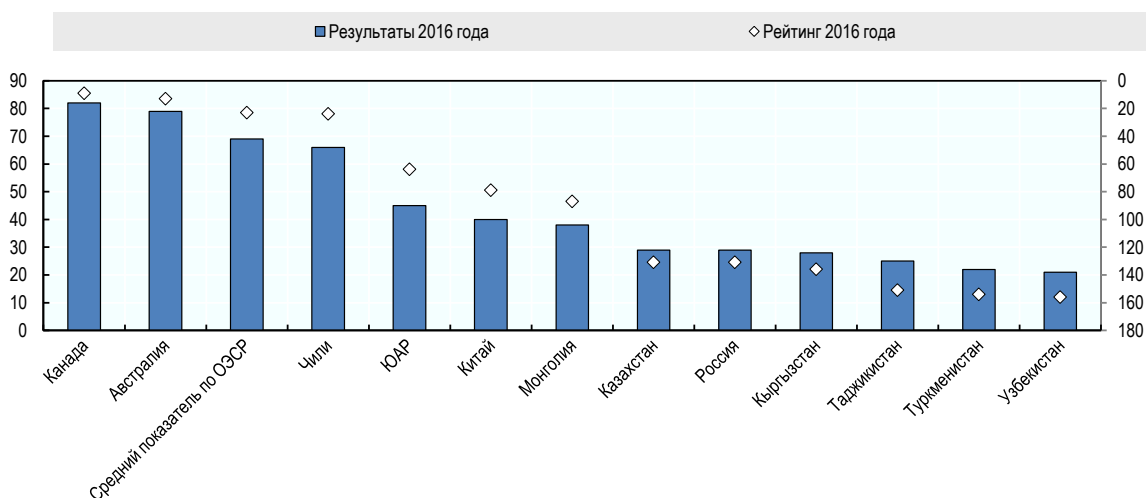
В Обзоре центральной администрации Казахстана, проведенном ОЭСР в 2014 году, основное внимание было уделено вопросу о способности центрального правительства и отраслевых министерств Казахстана обеспечить достижение национальных целей и реализацию приоритетов. В этой связи в обзоре были предложены рекомендации по пересмотру роли и возможностей министерств; функций и ролей центральных органов власти; по обеспечению прозрачности процессов выработки, контроля и оценки политики; по улучшению горизонтальной координации центральных органов; а также по повышению качества управления человеческими ресурсами и степени подотчетности по результатам управления.

Одна из основных рекомендаций в отношении политики заключалась в том, чтобы предоставить министерствам и ведомствам больше автономии в целях ослабления централизации и сокращения расходов на чиновничий аппарат. ОЭСР рекомендовала укрепить роль и потенциал министерств в отношении разработки документации по стратегическим вопросам, проведения анализа экономической политики и определения приоритетов государства. В рамках стратегии «Казахстан-2050» Казахстан ставит себе целью усовершенствовать и упорядочить систему государственного планирования и прогнозирования, а также усилить профессионализацию государственной службы.

В Казахстане уже принят закон о местном самоуправлении (2001 год), включающий разделение полномочий и сфер ответственности между органами центральной власти и местного самоуправления, однако процесс перехода был остановлен из-за трудностей, связанных с внедрением этого закона. В основе стратегии «Казахстан-2050» лежит также идея децентрализации, в частности вопрос о том, как разделить полномочия по принятию решений между центральным правительством и регионами. Для преодоления большинства трудностей ОЭСР предложила обеспечить долгосрочное развитие человеческих ресурсов, с тем чтобы обеспечить подготовку персонала во всех звеньях этой модели. Это должно также обеспечить рост качества услуг на местном уровне, поскольку местные органы власти всегда ближе к гражданам.

Источник: (OECD, 2014^[45]; Government of Kazakhstan, 2017^[46])

Рисунок 1.10. Индекс восприятия коррупции в странах Центральной Азии и в других странах, учтенных при сравнении

Источник: (Transparency International, 2016_[44])

В 2013–2015 годах мониторинг показал, что в регионе достигнут определенный прогресс в отношении предупреждения и пресечения коррупции. Вместе с тем сохраняются серьезные проблемы в отношении антикоррупционной политики и институтов, криминализации коррупции и правоприменения, а также мер по предупреждению коррупции в государственном управлении и в деловом секторе. Отсутствие конкретных сроков и измеримых показателей для оценки эффективности и воздействия реформ, наряду с неэффективностью правоприменения, препятствуют странам в дальнейшем развитии (OECD, 2016_[31]).

На многих рынках слабо развита конкуренция

Для того чтобы бизнес мог процветать, законодательство и политика в области конкуренции должны обеспечивать равные условия для всех участников рынка, особенно для государственных предприятий (ГП), крупных частных компаний (иностранных и местных) и МСП. Давление со стороны конкурентов является одним из самых сильных стимулов, подталкивающих компании к попыткам эффективно распределять ресурсы и развивать инновации. Это особенно важно в регионе, где крупные компании и ГП часто пользуются неконкурентными преимуществами (Блок 1.2).

Блок 1.2. Паритетная оценка антимонопольного законодательства и политики защиты конкуренции ОЭСР по Казахстану

В 2016 году Казахстан стал первой страной в регионе, прошедшей организованную ОЭСР паритетную оценку антимонопольного законодательства и политики защиты конкуренции, в которой приняли участие почти 90 делегаций со всего мира. При этом ОЭСР представила правительству Казахстана ключевые рекомендации по приоритизации правоприменения, по инструментам выявления сговорной практики, по анализу слияний, процедурным правилам для повышения общей прозрачности процедур и по приведению их в соответствие со стандартами Евразийского экономического союза (ЕАЭС).

Правительству Казахстана было рекомендовано сократить количество государственных монополий, поскольку многие виды коммерческой деятельности, которые считаются государственными монополиями и осуществляются государственными предприятиями при жестком регулировании, могут выполняться частными компаниями на конкурсной основе. Было рекомендовано по мере возможности подвергнуть эти монополии критической оценке и открыть их для представителей частного сектора и для конкуренции.

Также ОЭСР предложила реформы, связанные с контролем над крупнейшими предприятиями. В частности, правительству Казахстана следует перейти от действующего «Государственного реестра доминирующих предприятий» (основанного исключительно на анализе доли рынка и обновляемом не постоянно) к индивидуальному анализу позиции предприятия на рынке, но только в том случае, если есть основания подозревать злоупотребление. При анализе должны учитываться критерии, связанные не только с долей рынка, но и с барьерами выхода, и с характером продукции, и с конкурентами и конкуренцией на рынке, с технологическим развитием, с фазой развития и историей рынка, а также с его прогнозируемыми изменениями.

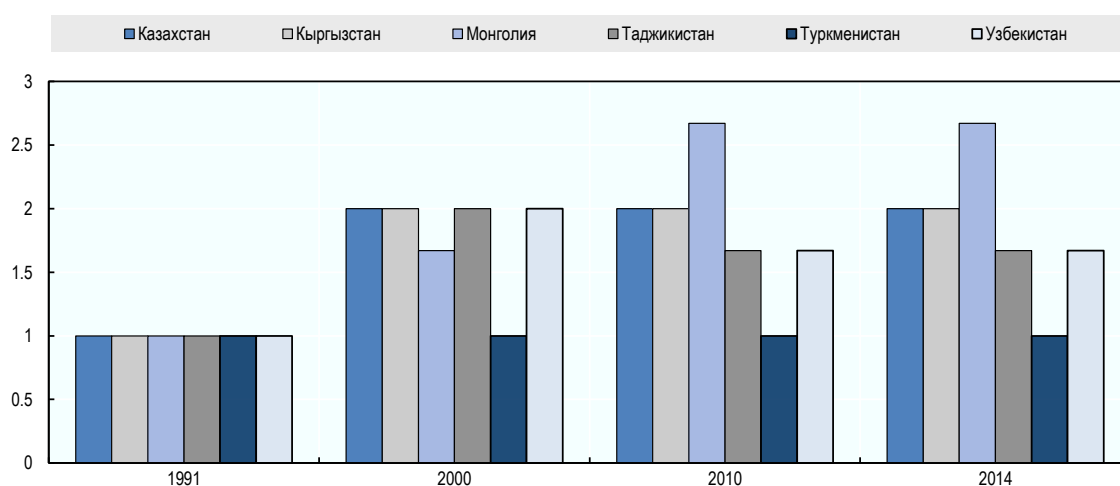
Рекомендации по противодействию злоупотреблению доминирующим положением в основном ориентированы на переключение внимания от ограничения цен на те виды злоупотреблений, которые приводят к закрытию рынков и возникновению входных барьеров. ОЭСР рекомендовала сосредоточить усилия на причинах неконкурентоспособности рыночных структур, имеющих гораздо более долгосрочные последствия, чем меры, направленные на снижение цен.

Как видно на рисунке 10, в других странах Центральной Азии также необходимо обеспечить рост конкуренции. Показатели свидетельствуют о том, что после первой волны законодательной деятельности 1990-х годов, начиная с 2000 года, успехов в создании антимонопольного законодательства добилась только Монголия.

Источник: (OECD, 2016^[47]; EBRD, 2017^[48])

ЕБРР разработал показатель, учитывающий качество антимонопольной политики и соответствующего правоприменения, которые оцениваются в диапазоне от 1 балла (отсутствие антимонопольного законодательства или института конкуренции) до 4+ (применяются лучшие стандарты и имеется эффективная система правоприменения в области антимонопольной политики).¹⁶ Страны Центральной Азии начали вводить антимонопольное законодательство после обретения независимости, по разным моделям (Рисунок 1.11): В настоящее время Монголия лидирует в этом отношении с показателем 2,7 балла, за ней следуют Казахстан и Кыргызстан с 2 баллами, Таджикистан и Узбекистан с 1,7 балла, а уровень Туркменистана по-прежнему оценивается в 1 балл (EBRD, 2017_[48]).

Рисунок 1.11. Показатели развития антимонопольного законодательства после обретения независимости

Источник: (EBRD, 2017_[48])

Развитие торгово-транспортной связности

С развитием глобальных производственно-сбытовых цепочек (ГПСЦ) страны, стремящиеся сегодня к диверсификации экономики, не имеют возможности создать с нуля полностью интегрированные отрасли (например, в автомобильном или компьютерном секторе), способные конкурировать с эффективными ГПСЦ. Им следует найти в пределах ГПСЦ конкретные задачи, в отношении которых у них имеется конкурентное преимущество, и работать над созданием условий для развития соответствующих видов деятельности (Baldwin and Taglioni, 2011^[49]). Политика импортозамещения в промышленном производстве, нацеленная на замену импорта отечественной продукцией путем диверсификации структуры внутреннего производства и введения высоких торговых барьеров, оказалась неэффективной (Sachs, 1995^[50]). Это относится даже к некоторым крупным развивающимся странам и тем более к небольшим, таким как страны Центральной Азии, где размер рынка ограничен, а значит любые реальные шаги в направлении диверсификации должны быть ориентированы на внешние рынки. Развитие транспортной инфраструктуры и информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) при одновременном снижении неявных торговых барьеров (например, таких как неэффективность таможенных процедур) приведет к снижению торговых расходов, сделает соответствующие страны более привлекательными участниками региональных и глобальных производственно-сбытовых цепочек и, в конечном счете, будет способствовать экономической диверсификации в странах Центральной Азии (Pomfret, 2014^[51]).

Развитие торгово-транспортной связности является одной из основных проблем, стоящих перед странами Центральной Азии. Несмотря на историческую роль данного региона как одного из центров мировой торговли, сегодня он находится преимущественно на ее периферии. Интеграция региона ограничена такими факторами, как низкая плотность расположения населенных пунктов и центров экономической деятельности, обилие узких мест в инфраструктуре и удаленность от основных рынков, а также наличие многочисленных нормативных и политических барьеров на пути трансграничных торговых и инвестиционных потоков. Торговые, инвестиционные, людские потоки – как внутри региона, так и между ним и остальной частью мира, – имеют гораздо меньший объем, чем можно было бы ожидать. Кроме того, существующая система связей и транспортного сообщения во многом сложилась под влиянием нынешней зависимости региона от экспорта сырьевых товаров, особенно сельскохозяйственного сырья, углеводородов, металлов и редкоземельных минералов. Это неудивительно, но, возможно, если страны Центральной Азии действительно стремятся диверсифицировать структуру своей экономики, сложившуюся ситуацию придется изменить, чтобы уменьшить зависимость от первичного сектора.

Транспортная структура в регионе очень далека от приемлемой

Инвестиционные потребности инфраструктуры в странах Центральной Азии¹⁷, согласно оценкам, составляют 492 млрд долл. США на период с 2016 по 2030 год, что подразумевает увеличение расходов с нынешнего уровня, составляющего 4% от ВВП региона, до 6,8% (ADB, 2017^[52]). Дороги в странах Центральной Азии относительно плохие, что ограничивает возможности транспортного сообщения в регионе. Из всех дорог, учтенных Экономической и социальной комиссией Организации Объединенных Наций для Азии и Тихого океана (ЭСКАТО ООН) для

целей проекта Международной азиатской сети (Asian Highway), 23% дорог, расположенных в Узбекистане, не имеют ни асфальтового, ни бетонного покрытия, а в Таджикистане этот показатель еще выше – 48%, в Казахстане – 54%, в Монголии – 60%, в Кыргызстане – 60% и в Туркменистане – 97% (UNESCAP, 2017^[53]). Эту ситуацию отражают и высокие показатели уровня инфраструктурного риска (вероятность потери доходов из-за ненадлежащего качества транспортных, энергетических объектов и каналов связи). Средний уровень инфраструктурных рисков в странах Центральной Азии по шкале от 0 (низкий риск) до 100 (высокий риск), по оценкам аналитического подразделения издательской группы *Economist*, соответствует 67 баллам¹⁸, в то время как в странах ОЭСР этот уровень оценивается в 19 баллов (EIU, 2016^[54]).

Правительства стран Центральной Азии, при поддержке соседних стран и многосторонних финансовых организаций, в последние годы инвестировали средства в развитие транспортной инфраструктуры, в частности железнодорожной и автомобильной. Центральная Азия имеет ключевое значение для китайской программы «Один пояс – один путь» (ОПОП; Блок 1.3). В 2008 году Организация центральноазиатского регионального экономического сотрудничества (ЦАРЭС) завершила модернизацию автодороги, соединяющей Бишкек и Алматы, благодаря чему перевозить грузы между этими двумя городами стало проще и безопаснее. Правительства Казахстана, Туркменистана и Ирана, при поддержке таких организаций, как АБР и Исламский банк развития, открыли экономический коридор, который связал Жанаозен в Казахстане с Берекетом и Этреком в Туркменистане и, благодаря железной дороге, открытой в 2014 году, в конечном итоге протянулся до Горгана в Иране.

Применение Глобальной модели грузовых перевозок (Global Freight Model) Международного транспортного форума ОЭСР (МТФ) в странах Центральной Азии могло бы дать политическим структурам уникальные сведения о затратах, выгодах и компромиссах, связанных с различными вариантами организации транспортной инфраструктуры, что позволило бы им принимать более информированные решения.

Блок 1.3. Китайская программа Один пояс – один путь (ОПОП)

Этот амбициозный проект, объявленный в 2013 году председателем КНР Си Цзиньпином, нацелен на придание Китаю дополнительного веса в мировой экономике путем содействия поставке китайских товаров на рынки назначения, укрепления энергетической безопасности Китая и расширения китайских инвестиций в зарубежные страны.

Инвестиции в страны Центральной Азии в рамках проекта ОПОП уже составили несколько миллиардов долларов. В 2015 году железнодорожная магистраль Чунцин – Дуйсбург (открыта в 2011 году) стала работать на регулярной основе, три раза в неделю, благодаря чему появилась возможность перевозить грузы между Китаем и Европой через Казахстан всего за 16 дней, а не за 36 дней, которые требуются для перевозки по морю. Китай и Казахстан также инвестируют во вторую железнодорожную магистраль, которая пройдет через Казахстан в Алматы и тем самым откроет возможность для создания к югу от Каспийского моря еще одного пути в Европу. Также большое значение имеет и Китайско-пакистанский экономический коридор, благодаря которому Кашгар, по завершении строительства железной дороги Кашгар – Ош – Узбекистан, должен превратиться в крупнейший транспортный узел для стран Центральной Азии.

В 2013 году завершилось строительство автодороги Душанбе – Чанак, которое на 80% финансировалось Банком развития Китая (Cooley, 2016_[55]). Этот последний проект не только дает мощный импульс развитию китайского экспорта, но и способствует расширению транспортного сообщения в регионе, связав крупные города Таджикистана, такие как Душанбе и Худжанд, с соседним Узбекистаном.

Источник: (CGTN, 2017_[56]; Cooley, 2016_[55]; World Bank, 2016_[57])

Можно принять дополнительные меры по развитию цифровых каналов связи

В последние годы в странах Центральной Азии наблюдался значительный скачок в развитии ИКТ. В 2015 году количество абонентов мобильной сотовой связи на 100 человек составило в среднем 124, что сопоставимо с показателями США (118), Евросоюза (123) и Японии (125) (World Bank, 2017_[11]). Однако к этим данным следует относиться с осторожностью, поскольку очень значительное количество абонентов использует мобильную связь из-за плохого качества услуг стационарной телефонной связи, кроме того, у одного человека может быть несколько договоров с операторами мобильной связи, поскольку конкурирующие поставщики предлагают низкие цены на разные услуги. Тем не менее, ИКТ в Центральной Азии получают все большее распространение и становятся все более эффективными благодаря строительству новой инфраструктуры: например, в 2009 году между Таджикистаном и Кыргызстаном был протянут кабель, и в дальнейшем планируется строительство Трансевразийской высокоскоростной информационной магистрали, которая соединит Франкфурт с Гонконгом и пройдет через Центральную Азию.

Однако трансграничным волоконно-оптических линий связи в странах Центральной Азии по-прежнему очень мало. В результате связь с глобальными коммуникационными сетями оказывается ограниченной, как и доступность высокоскоростного интернет-соединения для локальных пользователей, при том что пользование Интернетом обходится им дороже. Количество постоянных абонентов высокоскоростных сетей на 100 человек в странах Центральной Азии сравнительно невелико. В Европейском союзе и США доля постоянных абонентов высокоскоростных сетей составляла 31,8 и 31,5 на 100 человек соответственно; в Казахстане этот показатель составлял всего 13,1, в Монголии – 7,1, в Кыргызстане – 3,7, в Узбекистане – 3,6, а в Таджикистане и Туркменистане – около 0,1 (World Bank, 2017^[11]).

Блок 1.4. Обеспечение устойчивой подачи электроэнергии путем энергетической интеграции в Центральной Азии

Доступ к электроэнергии – это седьмая из целей в области устойчивого развития ООН, приверженность которой выразили все государства Центральной Азии, и ключевое предварительное условие для активизации экономического развития и диверсификации экономики. В составе Советского Союза, благодаря наличию Единой энергосистемы (ЕЭС), страны Центральной Азии имели хорошо интегрированную энергетическую инфраструктуру. После распада СССР эта система расшаталась и распалась на отдельные части.

Однако в последнее время в Центральной Азии наблюдается все большее единодушие в том, что необходимо воссоздать такую единую энергосистему. После встреч между высокопоставленными государственными деятелями, которые состоялись в мае 2017 года, в Узбекистане было принято решение вновь открыть территорию этой страны для транзита экспортируемой электроэнергии из Туркменистана в Кыргызстан и Южный Казахстан (а в зимние месяцы, возможно, также и в Таджикистан). Это большой шаг вперед, поскольку фактически он знаменует собой частичное воссоздание в Центральной Азии единой энергосистемы. Кроме того, инициированный недавно проект CASA-1000, который нацелен на экспорт электроэнергии, производимой гидроэлектростанциями в Кыргызстане и Таджикистане, в Пакистан и Афганистан, в ближайшее время должен быть успешно завершен, благодаря финансовой поддержке со стороны ряда международных финансовых организаций. Для реализации проекта строительства линий электропередачи общей протяженностью 1 222 км в рамках CASA-1000 был создан межправительственный совет высокого уровня.

Источник: (CASA-1000, 2017^[58])

Благоприятная торговая политика может способствовать развитию торгово-транспортной связности и конкурентной среды

Членство во Всемирной торговой организации (ВТО) подразумевает гармонизацию таможенного регулирования, стандартов, процедур сертификации и тарифов, что способствует большей открытости и предсказуемости торговой политики отдельных стран. За последние 20 лет большинство стран региона стали членами ВТО: Монголия в 1997 году, Кыргызстан в 1998 году, Таджикистан в 2013 году и Казахстан в 2015 году. Узбекистан имеет статус наблюдателя при ВТО, последнее заседание рабочей группы по вступлению состоялось в 2005 году. Туркменистан также проявил некоторый интерес к возможности вступления: для рассмотрения такой возможности в 2013 году была организована правительственная комиссия. Кроме того, благодаря вступлению в 2001 году Китая и в 2012 году Российской Федерации, членство в этой организации представляет теперь для стран Центральной Азии еще большую ценность.

Региональной интеграции способствовало и создание Евразийского экономического союза (ЕАЭС), в который вошли два государства Центральной Азии – Казахстан и Кыргызстан. В настоящее время возможность вступления рассматривают также Таджикистан и Монголия. Преимущества вступления в ЕАЭС как для нынешних членов, так и для потенциальных новых участников еще не получили окончательной оценки (Блок 1.5).

Учитывая небольшие размеры внутренних рынков стран Центральной Азии, торговая интеграция в регионе могла бы стимулировать рост предприятий и развитие обрабатывающей промышленности. Опыт показывает, что расширение доступа на рынки и либерализация должны происходить постепенно, так чтобы государства Центральной Азии имели возможность помочь местным компаниям адаптироваться на первых этапах интеграции. Защита должна быть ограничена по объему и по срокам начала и окончания субсидирования: это позволит минимизировать рыночные искажения, как только частные предприятия станут достаточно крупными, чтобы конкурировать на расширенном общем рынке. При выработке таких мер поддержки на переходный период ответственные политические структуры должны стремиться к сокращению расходов, связанных со структурными изменениями, но не пытаться (как это часто бывает) остановить эти изменения. Факты показывают, что оборонительная политика обычно обусловлена краткосрочными интересами и скорее приведет к успеху при наличии четких условий и определенной стратегии выхода (Warwick, 2013_[59]).

Блок 1.5. Евразийский экономический союз (ЕАЭС)

Создание Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в 2014 году (после образования в 2010 году Таможенного союза (ТС), включающего Беларусь, Российскую Федерацию и Казахстан) частично удовлетворяет потребность в упорядочении таможенных процедур и в облегчении прохождения грузов через границы. Целью ЕАЭС является создание единого пространства для свободного перемещения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, и в то же время содействие координации между государствами-членами в таких отраслях, как сельское хозяйство, энергетика и бюджетная политика. В настоящее время в ЕАЭС входят пять государств-членов: Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан и Россия.

Усилия ЕАЭС по повышению конкурентоспособности посредством принятия таких мер, как унификация таможенных процедур, снижение таможенных пошлин и устранение нетарифных барьеров, направлены на содействие торговле между государствами-членами. До создания Таможенного союза среднее время, затрачиваемое на пересечение границы между Казахстаном и Россией, составляло около семи часов, теперь же оно сократилось до двух.

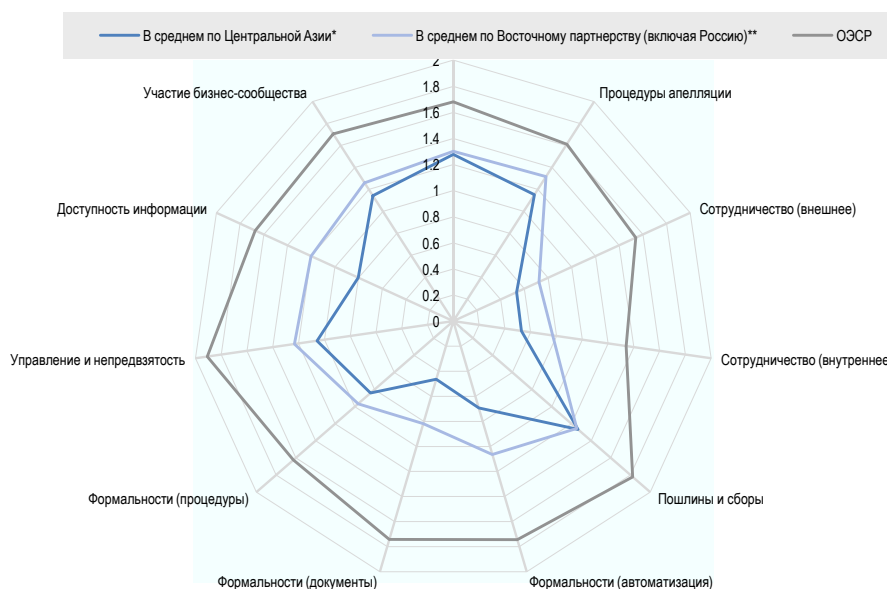
Тем не менее упрощение торговли в рамках ЕАЭС до сих пор продолжается и по-прежнему связано с рядом трудностей. Некоторые меры, принятые для стимулирования торговли между государствами – членами ТС / ЕАЭС, по всей видимости, оказывают негативное воздействие на динамику торговли между этими государствами и странами, не являющимися членами ЕАЭС. Так, среднее время пересечения границы Казахстана для грузов из стран, не входящих в ТС, выросло с 8 часов, каким оно было до создания ТС, до 21 часа. Кроме того, для соблюдения единства таможенных тарифов некоторым членам пришлось поднять свои тарифы. Однако воздействие этого фактора в дальнейшем нейтрализуется за счет ежегодного снижения тарифов согласно требованиям ВТО. Кроме того, между членами ЕАЭС возникали конфликты в связи с введением особых ограничений и нетарифных барьеров, которые были для них невыгодны.

Также ЕАЭС следует способствовать созданию новых экспортных возможностей для местных предприятий в рамках общего пространства, поскольку на сегодняшний день структура экспорта остается однонаправленной. В 2015 году экспорт в Россию составил 89,6% объема казахстанского экспорта в государства – члены ЕАЭС, для Армении этот показатель еще выше и составляет 94,6%, а для Беларуси – 96,1%. Взаимный товарооборот между государствами – членами ЕАЭС в процентном отношении к общему объему их внешней торговли увеличился с 12,3% в 2014 году до 13,5% в 2015 году.

Источник: (CAREC, 2012_[60]; Vinokurov, 2017_[61]).

В области трансграничной торговли страны Центральной Азии до сих пор испытывают трудности. Согласно показателям упрощения торговых процедур (УТП), выделенным ОЭСР, их результаты по многим параметрам оказываются низкими. УТП (Рисунок 1.12) дают четкую картину конкретных проблем, с которыми сталкиваются страны Центральной Азии по 11 параметрам; они дают целостное представление количественных данных, являющихся по своей сути скорее качественными (OECD, 2017_[62]).

Рисунок 1.12. Показатели упрощения торговых процедур ОЭСР

Примечание: * Казахстан, Кыргызстан, Монголия, Таджикистан, Узбекистан; ** Армения, Азербайджан, Беларусь, Грузия, Молдова, Украина, Российская Федерация.

Источник: (OECD, 2017_[62])

По результатам этой оценки, странам Центральной Азии следует выделить следующие приоритеты:

- упрощение торговых документов; гармонизация в соответствии с международными стандартами; прием копий («Формальности (документы)»);
- упрощение пограничного контроля; единый пункт подачи всех необходимых документов – «единое окно»; посттаможенный аудит; уполномоченные экономические операторы («Формальности (процедуры)»); и
- управление и деятельность таможен: таможенные структуры и функции; подотчетность; политика в области этики («Управление и непредвзятость»).

Совершенствование делового климата

Общий показатель качества делового климата в Центральной Азии представлен отчете Всемирного банка об условиях ведения бизнеса *Doing Business*. Несмотря на то, что в целом в регионе в последние годы заметен прогресс по этому показателю, последние данные свидетельствуют об огромных различиях между разными странами: Казахстан занимает 35-е место (чуть ниже Японии), Монголия 64-е (близко к Чили, которая находится на 57-м месте), а Кыргызстан 75-е (чуть ниже ЮАР); последние две страны в 2017 году сдвинулись вниз примерно на 10 пунктов, в то время как Узбекистан закрепился на 87-м месте, а Таджикистан поднялся на 4 пункта и занял 128-е место. Существует разброс и по разным показателям. Например, пройти все процедуры, необходимые для открытия нового предприятия, в рассматриваемом регионе достаточно легко, по этому показателю он близок к мировым лидерам, особенно больших успехов в этом отношении удалось добиться в результате внедрения в странах Центральной Азии онлайн-процедур и многофункциональных центров обслуживания, однако эффективность уплаты налогов колеблется в широких пределах, так что результаты Казахстана и Монголии в этом отношении гораздо лучше, чем у остальных стран (World Bank, 2016^[57]).

Еще одним показателем качества делового климата в странах Центральной Азии является положение МСП. В условиях несовершенства делового климата МСП испытывают гораздо более сильное негативное воздействие, чем крупные предприятия. Им гораздо труднее нести расходы, связанные с ненадлежащим обеспечением исполнения контрактов, с обременительными нормативными актами, неконкурентными методами государственных закупок и частыми проверками, которые нередко становятся поводом для коррупции (OECD, 2014^[63]; 2015^[64]; 2015^[65]). Все это также может препятствовать диверсификации экономики и привлечению иностранного капитала. В частности, Казахстан делает успехи на пути к решению некоторых из указанных проблем (Блок 1.6).

В Центральной Азии вклад МСП в экономику сравнительно невелик, хотя между разными странами существует заметный разброс. МСП составляют более 90% от общего количества предприятий, однако их вклад в ВВП составляет от 25% до 41%; исключение составляет Узбекистан, где этот показатель ближе к среднему по ОЭСР (около 55%). В Узбекистане МСП обеспечивают занятость 78% работающего населения, а в Казахстане – всего 38%. Основная часть МСП сконцентрирована в отраслях с низкой добавленной стоимостью, особенно в сельском хозяйстве и торговле. Из-за такой концентрации их вклад в экспорт очень невелик, в то время как природные ресурсы, экспортируемые крупными компаниями, составляют основную часть экспорта в регионе. Кроме того, как будет видно из главы 3, при попытках получения доступа на внешние рынки МСП часто сталкиваются с препятствиями особого рода.

Для поддержки развития МСП очень полезны могут быть стратегические подходы в индустриальной политике. Они подразделяются на *использующие сравнительное преимущество* и *создающие сравнительное преимущество*; также их можно классифицировать в зависимости от того, является ли экономика страны или отрасли *догоняющей* или же *передовой*. Далее, можно выбрать специальные инструменты индустриальной политики, подходящие для осуществления вмешательства в более мягкой форме, в ходе которого представители отрасли и государства могут объединить усилия для определения стратегических приоритетов, расширения возможностей для установления деловых связей и для

повышения производительности. Важнейшим условием успеха при таком подходе является планирование четких механизмов контроля и оценки уже на самом раннем этапе создания концепции индустриальной политики (Warwick, 2013_[59]).

Блок 1.6. Обзор инвестиционной политики Казахстана ОЭСР

В 2012 году ОЭСР опубликовала первый «Обзор инвестиционной политики Казахстана», основанный на документе ОЭСР «Основы инвестиционной политики» и посвященный рассмотрению важнейшей политической задачи – диверсификации экономики.

В данном обзоре ОЭСР рекомендовала расширить поддержку МСП, в частности в том, что касается доступа к финансированию и развития человеческого капитала, а также инвестиций и развития экспорта. Кроме того, положения документа ОЭСР «Методические указания для многонациональных компаний» были использованы для преодоления основных трудностей в области эффективного корпоративного управления и деловой этики, в том числе связанных с требованиями раскрытия информации о воздействии на экологические показатели и о прочих нефинансовых показателях. В обзоре содержалось важное замечание: было указано, что во всех этих областях экономической политики пути реализации решений имеют определяющее значение для формирования результатов.

В 2017 году ОЭСР пригласила Казахстан присоединиться к Декларации ОЭСР о международных инвестициях и многонациональных предприятиях, и инвестиционная политика этой страны вновь стала предметом обзора. Выяснилось, что высокие показатели Казахстана в том, что касается экономического роста, подкрепляются постоянными мерами по либерализации и упрощению правил инвестиционного регулирования, что способствовало притоку капитала. Главная рекомендация опять состояла в том, чтобы и далее следовать по пути диверсификации и избегать чрезмерной зависимости от природных ресурсов (в настоящее время нефтегазовый сектор дает целых 30% ВВП).

Источник: (OECD, 2012_[21]; OECD, 2017_[23])

МСП предоставляют очень значительные и пока неиспользованные возможности для диверсификации экономики. Они являются основным двигателем экономического роста, выпуская продукцию, обеспечивая торговлю, занятость и рост производительности (OECD, 2000_[66]). В странах ОЭСР они составляют 99% компаний, на их долю приходится от 50% до 60% добавленной стоимости, и они обеспечивают более 70% рабочих мест (OECD, 2016_[67]). В богатых ресурсами странах, таких как Австралия, Канада, Чили и Норвегия, МСП также составляют более 99,75% компаний, на их долю приходится около 60% добавленной стоимости и около 80% рабочих мест (OECD, 2016_[67]). В частном секторе они являются важными участниками торговли, поскольку создают более половины добавленной стоимости в международной торговле в странах ОЭСР – либо в качестве прямых экспортеров, либо в качестве поставщиков для многонациональных компаний (МНК).

Результаты работы, недавно проведенной ОЭСР, показывают, что по мере возникновения и роста МСП профессиональные навыки, доступ к финансовым ресурсам и выход на международные рынки входят в число самых серьезных

проблем, с которыми они сталкиваются (OECD, 2017_[68]). Государство должно играть главную роль в оказании МСП помощи по преодолению соответствующих барьеров. Правительства стран ОЭСР активно поддерживают развитие МСП с помощью специализированных учреждений, таких как агентства по развитию МСП, посредством внедрения широкого спектра программ, ориентированных на развитие МСП, и механизмов поддержания диалога между государством и частным сектором (OECD, 2017_[69]).

ОЭСР провела в странах Центральной Азии большую работу, консультируя правительства по политическим вопросам поддержки МСП, а также по вопросам решения проблем координации, уделяя особое внимание доступу к финансированию, интернационализации человеческих ресурсов, профессиональным навыкам и человеческому капиталу. В следующих главах рассматриваются восемь ситуационных исследований по разным странам, которые основываются на результатах трехлетней работы ОЭСР с правительствами стран региона.

Доступ к финансированию. В большинстве стран Центральной Азии МСП сообщают о том, что трудности в связи с доступом к финансированию составляют одно из главных препятствий для ведения бизнеса. Банковское кредитование является основным источником внешнего финансирования МСП в Центральной Азии, и именно с ним связано большинство трудностей, с которыми сталкиваются МСП. Другие источники финансирования все еще недостаточно развиты: это микрокредитование, кредитные кооперативы, венчурный капитал и инструменты финансирования активов. Доступ к финансированию для МСП преграждают различные трудности, связанные как со спросом, так и с предложением. Со стороны спроса эти трудности для МСП связаны с высокими процентными ставками, с наличием жестких и систематических требований к залоговому обеспечению и с обременительными процедурами, которые требуется пройти для получения кредита. Со стороны предложения банки регулярно отмечают, что значительные препятствия возникают из-за того, что для МСП характерен очень низкий уровень финансовой грамотности (OECD, 2013_[70]; 2016_[71]). Ситуационные исследования, представленные в главе 2, посвящены следующим темам:

- **Монголия:** расширение доступа к финансированию для МСП;
- **Таджикистан:** упрощение продуктивного использования доходов от денежных переводов и развитие предпринимательства среди вернувшихся мигрантов;
- **Кыргызстан:** улучшение финансирования производственно-бытовых цепочек в сельском хозяйстве.

Выход предприятий в странах Центральной Азии на международный рынок затруднен из-за несовершенства систем связи, характерного для данного региона. Ненадлежащее состояние физической и социальной инфраструктуры препятствует доступу на иностранные рынки, и транспортные расходы МСП оказываются относительно большими, поскольку МСП не могут ни добиться экономии за счет увеличения масштаба, ни создать собственную инфраструктурную сеть, и при этом больше других страдают от необходимости прохождения сложных торговых и таможенных процедур (OECD, 2009_[72]). Экспортеры из числа МСП также отмечают нехватку знаний о внешних рынках, отсутствие консультационных услуг, особенно в области сертификации и стандартов, а также недостаточность финансовой поддержки экспорта. Кроме того, в современном мире, в котором взаимосвязи играют все более значительную роль, МСП могли бы активнее участвовать в

ГПСЦ, устанавливая связи с МНК. Ситуационные исследования, представленные в главе 3, посвящены следующим темам:

- **Узбекистан:** усиление поддержки экспортной деятельности МСП;
- **Кыргызстан:** пересмотр системы привлечения инвестиций;
- **Таджикистан:** развитие экспортной политики в области сельского хозяйства.

Профессиональные навыки. В Центральной Азии МСП часто отмечают, что в число препятствий их развитию входит ненадлежащий уровень квалификации рабочей силы. Им бывает трудно найти, нанять и обучить работников, и отчасти это обусловлено отсутствием крепких связей между частным сектором и образовательными учреждениями. Имеющаяся рабочая сила не отвечает их потребностям в профессиональных навыках: это касается и самых общих предпринимательских умений, и конкретных профессиональных компетенций. Актуальность и качество образования и обучения кадров оказываются недостаточными, и поэтому МСП приходится направлять основные усилия на обучение на рабочем месте (EBRD, 2017^[73]; OECD, 2016^[74]). Ситуационные исследования, представленные в главе 4, посвящены следующим темам:

- **Казахстан:** сотрудничество между государством и частным сектором с целью определения профессиональных стандартов.
- **Кыргызстан:** осуществление преобразований с целью внедрения обучения на рабочем месте.

Примечания

¹ Обменные курсы по паритету покупательной способности (ППС) представляют гипотетическую оценку обменного курса для двух валют, при котором обмен между ними будет соответствовать их покупательной способности. Реальные обменные курсы демонстрируют как краткосрочные, так и долгосрочные отклонения от значений ППС, что в значительной степени иллюстрирует теорема Баласса – Самуэльсона.

² Однако эта страна вынуждена импортировать глинозем и другие материалы, поэтому чистая прибыль от экспорта алюминия оказывается значительно ниже, чем от других сырьевых товаров (и он не учтен на рисунке 4).

³ Стоимость экспорта природного газа из Туркменистана выросла от 850 млн долл. США до 4,5 млрд долл. США, стоимость экспорта золота из Кыргызстана – от 186 млн долл. США до 1 млрд долл. США, стоимость экспорта нефти из Казахстана – от 5,5 млрд долл. США до 44,8 млрд долл. США, а стоимость экспорта меди из Монголии (начиная с 2001 года, поскольку в 2000-м она приближалась к нулю) – от 162 млн долл. США до 987 млн долл. США.

⁴ В Таджикистане относительный вес денежных переводов резко сократился в 2015 году – из-за рецессии в России и, в частности, из-за сокращения объема ее строительной отрасли: в 2010–2014 годах объем денежных переводов в Таджикистане составлял 46%.

⁵ По доле получаемых денежных переводов в структуре ВВП Таджикистан и Кыргызстан занимают третье и четвертое места в мире.

⁶ Учитывая все вышесказанное, следует подчеркнуть, что, даже если бывшие мигранты не станут предпринимателями, они могут привнести новые технологии, товары и способы ведения бизнеса (Kigejev, 2006_[206])

⁷ Следует отметить, что миграция принесла значительные экономические выгоды и *принимающим* странам, хотя они и не составляют главный предмет настоящего исследования. Значительная доля экономической деятельности в принимающих странах зависит теперь от иностранной рабочей силы. Особенно это касается России, где импорт рабочей силы помогает скомпенсировать низкий уровень рождаемости, старение населения и возникающий в результате недостаток местной рабочей силы.

⁸ Индекс Херфиндаля – Хиршмана (ННП продукции), по расчетам ЮНКТАД, колеблется от 0 (более высокая степень диверсификации) до 1 (более высокая степень концентрации).

⁹ Следует отметить, что в этом контексте в связи с данными возникают некоторые трудности. Например (как на рисунке 8), основная часть золота, проданного Кыргызстаном, перешла в руки посредников в Швейцарии, так что итоговое место назначения так и осталось неизвестным. То же касается и хлопка, проданного на международных биржах странами-производителями, в том числе Таджикистаном.

¹⁰ Важным вопросом, выходящим за рамки рассмотрения настоящего документа, является вопрос о том, как скорректировать эти гарантированные перечисления в условиях макроэкономических потрясений, возникающих в результате снижения цен на сырьевые товары. Властям Казахстана пришлось в последнее время решать эту проблему, и они, действительно, пересмотрели режим управления фондом, с тем чтобы вывести страну на более устойчивый путь в области бюджетно-налоговой политики (IMF, 2017_[326]).

¹¹ См. классическое обоснование гипотезы ресурсного проклятия у Сакса и Уорнера (Sachs, 2001_[207]); в последнее время также появилось много исследований, посвященных проблеме ресурсного проклятия (Frankel, 2010_[208]; van der Ploeg, 2011_[209]; Venables, 2016_[210]); о «парадоксе изобилия» см. у Карла (Karl, 1997_[211]). Для объяснения этого явления было выдвинуто множество гипотез, большинство из которых относятся к одной из двух категорий: одни сосредоточены на том, как наличие природных богатств сказывается на конкурентоспособности прочих товаров, другие рассматривают вопрос о том, как обилие природных ресурсов отражается на качестве институтов, политических процессов и управления. Также анализируются последствия волатильности цен на сырьевые товары, особенно в отношении бюджетных поступлений, рассматриваются вопросы взаимодействия волатильности цен на сырьевые товары и недостатков финансового рынка, могущих привести к возникновению неэффективной специализации. Обзор концепций, объясняющих суть ресурсного проклятия, где особое внимание уделено проблеме слабых финансовых рынков, см. у Хаусмана и Ригобона (Hausmann, 2003_[212]).

¹² После падения цен на сырьевые товары Фонд национального благосостояния Казахстана, очень помог экономике страны избежать всех серьезных проявлений «голландской болезни».

¹³ Проблемы координации обусловлены расхождениями между производственными и инвестиционными решениями, которые принимаются в вышестоящих и нижестоящих сегментах отрасли. Многие поставщики и потребители промежуточных товаров не производят более высокотехнологичных товаров и не инвестируют в них, и в результате возникает низкотехнологичное равновесие. Посредством государственного вмешательства можно координировать, субсидировать и стимулировать компании, действующие в вышестоящих и нижестоящих сегментах отрасли, чтобы те инвестировали в технологии, навыки и возможности, обеспечивающие добавленную стоимость, и тем самым достичь равновесия в области высоких технологий.

¹⁴ Если правительству легко контролировать природную ренту, то ему не требуется одобрение общественности (например, через парламент) для принятия решений о государственных расходах. Именно такая ситуация сложилась в 1990-е годы в Узбекистане и Туркменистане: правительства могли контролировать хлопкозаводы, а значит платить фермерам меньше, чем следовало исходя из мировых цен, а разницу удерживать в качестве государственных доходов. Казахстану, Кыргызстану и Монголии было труднее, поскольку им приходилось договариваться с иностранными компаниями, обладающими хорошим ноу-хау.

¹⁵ Это предположение не было проверено путем тщательного эмпирического анализа, и причина тому очень проста: дело в том, что в существующей литературе рассматриваются добывающие отрасли в период с 1960-х по 2000-е годы, – в период, когда в подавляющем большинстве стран, богатых полезными ископаемыми, все залежи находились в собственности и под контролем государства. Другими словами, для более глубокого анализа недостаточно отклонений в той переменной, которая представляет наибольший интерес.

¹⁶ Баллы распределяются следующим образом: 1 – отсутствие антимонопольного законодательства и институтов; 2 – антимонопольная политика, законодательство и институты имеются; наблюдается некоторое снижение барьеров входа или осуществляется принудительное правоприменение в отношении лидеров рынка; 3 – принимаются некоторые меры принудительного правоприменения в целях предотвращения злоупотреблений положением на рынке, а также в целях развития конкурентной среды и, в том числе, разрушения доминирующих конгломератов; существенное снижение барьеров входа; 4 – принятие решительных мер принудительного правоприменения в целях предотвращения злоупотреблений положением на рынке, а также в целях развития конкурентной среды; 4+ – стандарты и экономические показатели соответствуют уровню стран с развитой индустриальной экономикой: эффективное правоприменение в области антимонопольной политики; выход на большинство рынков не ограничен.

¹⁷ В номенклатуре АБР в состав Центральной Азии включены также Армения, Азербайджан и Грузия, а Монголия в него не входит.

¹⁸ Казахстан (41), Кыргызстан (69), Туркменистан (72), Узбекистан (75), Монголия (78) и Таджикистан (84).

Библиография

- Abramovitz, M. (1986), “Catching up, forging ahead, and failing behind”, *The Journal of Economic History*, pp. 385-406. [4]
- ADB (2013), *Asia's economic transformation: Where to, How, and How Fast?*, Asian Development Bank. [42]
- ADB (2017), *Meeting Asia's infrastructure needs*, ADB Publishing. [52]
- Auty, R. (2004), *Patterns of Rent-Extraction and Deployment in Developing Countries: Implications for Governance, Economic Policy and Performance*. [37]
- Baldwin, R. and D. Taglioni (2011), “Gravity chains: estimating bilateral trade flows when parts and components trade is important”, *NBER Working Paper No. 16672*. [49]
- CAREC (2012), *Corridor performance measurement and monitoring annual report 2012*, Asian Development Bank. [60]
- CASA-1000 (2017), *CASA-1000.org*, <http://www.casa-1000.org/MainPages/CASAAbout.php#objective>. [58]

- CGTN (2017), *CGTN news*, https://news.cgtn.com/news/3d63544d3363544d/share_p.html. [56]
- Chaudry, K. (1989), *The Price of Wealth: Business and State in Labour Remittance and Oil Economies*, International Organisation. [35]
- Cooley, A. (2016), *The Emerging Political Economy of OBOR*, Center for Strategic & International Studies. [55]
- EBRD (2017), *EBRD Transition Report 2016-2017*, EBRD. [73]
- EBRD (2017), *Forecasts, macro data, transition indicators*, <http://www.ebrd.com/what-we-do/economic-research-and-data/data/forecasts-macro-data-transition-indicators.html>. [48]
- EIU (2016), *One Belt, One Road: an economic roadmap*, EIU. [54]
- Frankel, J. (2010), “The Natural Resource Curse: A survey”, *NBER Working Paper 15836 - National Bureau of Economic Research, Cambridge MA*. [77]
- Gelb, A. (2010), *Economic Diversification in Resource Rich Countries*, IMF. [33]
- Government of Kazakhstan (2017), *Strategy Kazakhstan 2050*, <https://strategy2050.kz/en/multilanguage/>. [46]
- Hausmann, R. (2003), “An alternative interpretation of the "Resource Curse": Theory and Policy implications”, *NBER Working Paper No. 9424*. [81]
- IBRD; World Bank (2014), *Diversified development - making the most of natural resources in Eurasia*, The World Bank. [28]
- Imbs, J. (2003), “Stages of diversification”, *American Economic Review*, pp. 63-86. [24]
- IMF (2014), *Sustaining long-run Growth and Macro-Economic Stability in Low-Income Countries*, IMF Policy Paper. [25]
- IMF (2014), *25 Years of Transition*, IMF. [5]
- IMF (2016), *Republic of Tajikistan - Financial System stability assessment*. [15]
- IMF (2017), *IMF World Economic Outlook - April 2017*, <https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2017/01/weodata/index.aspx>. [2]
- IMF (2017), *Republic of Kazakhstan: Selected Issues: IMF Country Report No. 17/109*, International Monetary Fund, Washington, DC, <http://www.imf.org>. [82]
- IOM (2006), *External labour migration in Tajikistan: root causes, consequences and regulation*, International Organisation for Migration. [12]
- IOM (2009), *Abandoned wives of Tajik labour migrants*, International Organisation for Migration. [14]
- IOM (2010), *Tajik labour migration during the global economic crisis: causes and consequences*, International Organisation for Migration. [13]
- Jones Luong, P. (2004), *Rethinking the Resource Curse: Ownership Structure and Institutional Capacity*. [39]
- Karl, T. (1997), *The Paradox of Plenty*, University of California Press. [80]
- Kireyev, A. (2006), *The Macroeconomics of remittances: the case of Tajikistan*, IMF Press. [75]
- Lederman, D. (2012), *Does what you export matter?*, IBRD / World Bank. [30]

- Malyuchenko, I. (2015), *Labour migration from Central Asia to Russia: Economic and social impact of the societies of Kyrgyzstan, Tajikistan, and Uzbekistan*, Central Asia Security Policy Briefs. [11]
- Marat, E. (2009), *Labor Migration in Central Asia: Implications of the Global Economic Crisis*. [10]
- Observatory for Economic Complexity (2017), , <http://atlas.media.mit.edu/en>. [7]
- OECD (2000), *OECD Small and Medium Enterprise Outlook*, OECD Publishing. [66]
- OECD (2006), *OECD Investment Policy Reviews: Russian Federation 2006*, OECD Publishing. [32]
- OECD (2008), *To benefit from plenty: lessons from Chile and Norway*, OECD Development Centre. [19]
- OECD (2009), *Top Barriers and Drivers to SME Internationalisation*, OECD Publishing. [72]
- OECD (2011), *The Economic Significance of Natural Resources: key points for reformers in Eastern Europe, Caucasus and Central Asia*, OECD Publishing. [29]
- OECD (2012), *Kazakhstan - Investment Policy Review*, OECD publishing. [21]
- OECD (2013), *Fostering SMes' participation in Global Markets*, OECD Publishing. [70]
- OECD (2014), *Regulatory Policy in Kazakhstan: Towards Improved Implementation*, OECD Publishing. [63]
- OECD (2014), *Review of the Central Administration of Kazakhstan*, OECD Publishing. [45]
- OECD (2015), *Enhancing Access to Finance for SME Development in Tajikistan*, OECD Publishing. [65]
- OECD (2015), *SME Policy Index - Eastern Europe and South Caucasus*, OECD Publishing. [64]
- OECD (2016), *Anti-corruption reforms in Eastern Europe and Central Asia - Progress and Challenges 2013-2015*, OECD Publishing. [31]
- OECD (2016), *Enhancing Access to Finance for MSMEs in Mongolia*, http://www.oecd.org/globalrelations/eurasia-week-roundtable.htm#prs_2016. [71]
- OECD (2016), *Entrepreneurship at a glance 2016*, OECD Publishing. [67]
- OECD (2016), *Monitoring competitiveness reform in Kyrgyzstan*. [74]
- OECD (2016), *Multi-dimensional Review of Kazakhstan: Volume 1. Initial Assessment*, OECD publishing. [22]
- OECD (2016), *Sixth meeting of the policy dialogue on natural resource-based development*. [18]
- OECD (2016), *Competition Law and Policy in Kazakhstan*, OECD Publishing. [47]
- OECD (2017), *Financing SMEs and Entrepreneurs 2016: an OECD scoreboard*, OECD Publishing. [69]
- OECD (2017), *OECD Investment Policy Review: Kazakhstan 2017*, OECD publishing. [23]
- OECD (2017), *OECD Trade Facilitation Indicators*, <http://www.oecd.org/trade/facilitation/indicators.htm>. [62]
- OECD (2017), *Small, Medium, Strong. Trends in SME Performance and Business Conditions*, Organisation for Economic Co-operation and Development, <http://www.oecd-> [68]

- ilibrary.org/content/book/9789264275683-en.
- Ohlin, B. (1933), *Interregional and international trade*, Harvard University Press. [9]
- Pomfret, R. (2014), *Global Value-Chain and connectivity in developing Asia - with application to the central and west asian region*, ADB Publishing. [51]
- Ramey, G. (1995), “Cross-country evidence on the link between volatility and growth”, *American Economic Review*, pp. 1138-1151. [20]
- Reuters (2017), *Kazakh wealth fund says over 120 firms sold in privatization drive*, <http://www.reuters.com/article/us-kazakhstan-swf-privatisation-idUSKBN1772OK>. [17]
- RHCS (2017), , <http://www.regionalhub.org/>. [43]
- Rodriguez-Clare (2005), *Coordination Failures, Clusters and Microeconomic interventions*, Inter-American Development Bank. [27]
- University, C. (ed.) (1996), *Coordination failures and government policy: A model with applications to East Asia and Eastern Europe*, Journal of International Economics. [26]
- Ross, M. (1999), “The Political Economy of the Resource Curse”, *World Politics*, pp. 297-322. [38]
- Ryazantsev, S. (2016), *Russia Global Affairs*, <http://eng.globalaffairs.ru/valday/Labour-Migration-from-Central-Asia-to-Russia-in-the-Context-of-the-Economic-Crisis-18334>. [8]
- Sachs, J. (1995), *Economic convergence and economic policy*. [3]
- Sachs, J. (1995), “Natural Resource abundance and economic growth”, *National Bureau of Economic Working Paper 5398*. [50]
- Sachs, J. (2001), “The curse of natural resources”, *European Economic Review*, pp. 827-838. [76]
- Shafer, D. (1994), *Winners and Losers: How Sectors Shape the Development Prospects of States*, Ithaca: Cornell University Press. [36]
- Tornell, A. (1999), “The Voracity Effect”, *American Economic Review*, pp. 22-46. [34]
- Transparency International (2016), *Corruption Perception Index*, http://www.transparency.org/news/feature/corruption_perceptions_index_2016. [44]
- UN (2017), *Human Development Data*, <http://hdr.undp.org/en/data>. [6]
- UNCTAD (2017), , <http://unctadstat.unctad.org/EN/>. [16]
- UNESCAP (2017), *UNESCAP.ORG*, <http://www.unescap.org/our-work/transport/asian-highway/about>. [53]
- van der Ploeg, F. (2011), “Natural resources: curse or blessing?”, *Journal of Economic Literature*, pp. 49(2), 366-420. [78]
- Venables, A. (2016), “Using natural resources for development: why has it proven so difficult?”, *Journal of Economic Perspectives*, pp. 30(1), 161-84. [79]
- Vinokurov, E. (2017), “Eurasian Economic Union: Current state and preliminary results”, *Russian Journal of Economics*, pp. 54 - 70. [61]
- Warwick, K. (2013), “Beyond Industrial Policy: Emerging Issues and New Trends”, *OECD Science, Technology and Industry Policy Papers*, p. No. 2. [59]
- World Bank (2016), *Doing Business 2017 - Equal opportunity for all*, World Bank. [57]

- World Bank (2017), *Enterprise Surveys*, The World Bank, <http://www.enterprisesurveys.org/>. [41]
- World Bank (2017), *World Development Indicators*, <http://data.worldbank.org/data-catalog/world-development-indicators>. [1]
- World Economic Forum (2017), *The Global Competitiveness Report 2016-2017*. [40]

From:
Enhancing Competitiveness in Central Asia

Access the complete publication at:
<https://doi.org/10.1787/9789264288133-en>

Please cite this chapter as:

OECD (2018), “Региональная повестка диверсификации экономики в странах Центральной Азии”, in *Enhancing Competitiveness in Central Asia*, OECD Publishing, Paris.

DOI: <https://doi.org/10.1787/9789264290129-4-ru>

Данная работа публикуется под ответственность генерального секретаря ОЭСР. Изложенные в ней мнения и приводимая аргументация могут не отражать официальных взглядов правительств стран – членов ОЭСР.

This document and any map included herein are without prejudice to the status of or sovereignty over any territory, to the delimitation of international frontiers and boundaries and to the name of any territory, city or area.

You can copy, download or print OECD content for your own use, and you can include excerpts from OECD publications, databases and multimedia products in your own documents, presentations, blogs, websites and teaching materials, provided that suitable acknowledgment of OECD as source and copyright owner is given. All requests for public or commercial use and translation rights should be submitted to rights@oecd.org. Requests for permission to photocopy portions of this material for public or commercial use shall be addressed directly to the Copyright Clearance Center (CCC) at info@copyright.com or the Centre français d'exploitation du droit de copie (CFC) at contact@cfcopies.com.